

Первый скит России: страницы истории XV—XX вв.

Русская Фиваида... Так, путешествуя по Русскому Северу, назвал этот край русский писатель А. Н. Муравьев [1]. Литературное сравнение Муравьева очень точно отразило значение Русского Севера в духовной истории России.

Географическое понятие Фиваида (местность вокруг г. Фивы в Египте) издавна стало понятием духовным. Египетская Фиваида прославилась подвигами монахов-пустынников, удалявшихся сюда ради безмолвия и богообщения. Здесь в IV в. началась история монашества, уже первые века которой ознаменовались высочайшим расцветом. «Не столь светло небо, испещренное сонмом звезд, — писал святой Иоанн Златоуст, — как пустыня египетская, являющая повсюду иноческие кущи» [2, XXXVII].

В XIV—XV вв. в лесных пустынях русского Заволжья возникает большое количество монастырей, с которыми связан наивысший расцвет в истории русского монашества. Подражая примеру древних отцов египетской Фиваиды, русские иноки стремились к пустынножительству, безмолвию и созерцанию. Как и в древней Фиваиде, на Русском Севере развивались все три формы монашеской жизни: общежитие, скитничество и отшельничество.

Столицей Русской Фиваиды стал Кирилло-Белозерский монастырь, основанный в 1397 г. преподобным Кириллом Белозерским. В конце XV в. другой русский святой Нил Сорский основал неподалеку от Кириллова монастыря свой скит — первый скит в России. Древний тропарь Нилу Сорскому, составленный в XVI в. его учеником преподобным Иннокентием Охлябининым, отметил особую избранность, талант преподобного Нила: «Слава избравшему тя в России отшельником устава изрядна; слава укрепльшему тя в пустыни» [3, 46].

Об основателе первого русского скита известно немного. Житие его, видимо, так и не было написано. Не сохранился и древний иконописный образ преподобного Нила; мы не знаем, «каков бе преподобный». Но история Нило-Сорского скита, посвящение его храмов позволяет дополнить на-

ши сведения о духовном облике великого старца (так называют Нила Сорского монастырские рукописи XVI—XIX вв.), а также увидеть значение основанного им скита для истории русского монашества, духовной истории России.

Краткие «Повести» и «Чудеса» о житии Нила Сорского сообщают, что родился святой в 1433 г. в Москве. Происходил преподобный Нил, видимо, из дьяческого сословия, так как имел брата Андрея Майко (Майкова), который был дьяком Боярской думы и исполнял различные дипломатические поручения великих князей Василия II (Темного) и Ивана III. Сам Нил Сорский до пострига тоже, видимо, начинал дьяческую карьеру: он был «книгчий судиям». Постриг преподобный Нил принял в Кирилло-Белозерском монастыре. После 1475 г. он вместе со своим учеником Иннокентием «ушел из монастыря на Афон и в страны Царьграда» [4, 133—144].

Около 1485 г., возвратившись из паломничества во Святую Гору Афон, преподобный Нил вместе со своим учеником Иннокентием поселился в лесу на реке Соре, за «пятнадесят попрещ» от Кирилло-Белозерского монастыря. На Соре преподобный Нил бывал и раньше, когда, еще будучи монахом Кириллова монастыря, разбирал межевые дела с соседним Ферапонтовым монастырем [5, 24]. Очевидно, место тогда понравилось преподобному своей уединенностью и пустынностью. Болота, «мхи великие и непроходимые» делали его труднодоступным для мирских людей. Преподобный Нил выбрал Сору, как место удобное для жизни по скитскому обычаю.

Скитский путь подвижничества святые отцы почитали «золотым», «срединым» между отшельничеством и общежитием. «Средний путь непадателен есть» [6, 87]. Отшельничество требует от подвижника «ангельской крепости» и грозит многими духовными опасностями: «Горе единому, аще в леность впадет, во уныние или отчаяние, яко не имат воставляющего его в человецех» (Иоанн Лествичник) [7, 232 об.].

Общежитие (киновия) наполнено заботами о монастырском хозяйстве. Оно объединяет многих

Вид Нило-Сорской общежительной пустыни. Гравюра XIX в.

под кровом монастыря, поэтому не всегда удобно для безмолвия и созерцания.

Уединение скита в «пустыне», отсутствие большого общего хозяйства позволяет сосредоточиться на «внутреннем делании». Малая соборность скита (первоначально жизнь двух или трех братьев вместе), возможность получить духовное наставление помогают избежать многих опасных «прелестей» духовного пути.

Так, палестинский подвижник Евфимий Великий до конца своей жизни считал лавру наиболее удобной формой монашеской жизни, так как она соединяла в себе выгоды отшельничества и общины. Во времена святого Евфимия († 473 г.) «киновия в Палестине не считалась самостоятельным монастырем, она только готовила иноков к лаврской жизни, настоятель киновии подчинялся настоятелю лавры» [8, 115].

Традиция скитского жительства восходит к первым векам монашества.

Основатель скитского монашества — Антоний Великий († 356 г.) последние годы жил в окружении своих учеников. Хотя это не был скит со своим уставом и правилами жизни, но иноки всегда

могли пользоваться наставлениями своего старца и спасались рядом с ним.

Ученики святого Антония Великого — Аммон в Египте и Илларион Великий в Палестине — основали первые скиты и лавры (палестинское название скита).

Святой Аммон положил начало подвижнической жизни в Нитрийской пустыне (40 миль от Александрии). «Градом Господним» или «городом святых» называли Нитрию [9, XXXVIII]. 50 монастырей, находившихся на Нитрийской горе, подчинялись одинаковым правилам и одному игумену. Внутренний распорядок жизни каждого монастыря более походил на киновию. Но за Нитрийской горой находилась местность, которую из-за множества келлий, рассеянных по пустыне, называли Пустыней келлий. Сюда уходили те, кто в Нитрии приготовились к более уединенной жизни. В келлиях здесь жили только по одному, они стояли на большом расстоянии друг от друга — так, чтобы не слышно было, «как кто к Богу подвизается». Только однажды в неделю келлиоты собирались в храме на воскресную службу, «как бы являясь друг другу с неба» [9, 92].

Если кто-либо отсутствовал на литургии, это было знаком, что он заболел, тогда все шли навестить больного.

Монахи Пустыни келлий подчинялись настоятелю Нитрийской горы, но жили по скитскому уставу, почему скитских иноков часто называют еще келлиотами.

На расстоянии суток пути от Пустыни келлий находилась еще более труднодоступная и малоприспособленная для жилья пустыня, именуемая «Скит», что в переводе с коптского языка означает «большая равнина» [9, 102]. Монастырь, основанный здесь в IV в. Макарием Великим, получил такое же название. Впоследствии подобные ему по укладу жизни и духовному строю монастыри стали называться скитами. Уставы монахов Скита и келлиотов были похожи, но сами условия жизни в Скиту отличались большей суровостью, поэтому только самые строгие подвижники удалялись в Скит. «Чем страшнее была пустыня скитская, тем более требовалось мужества, чтобы селиться в ней. Таких только и принимал Макарий к себе. Несмотря на свое благочестие, пишет Сократ, Макарий Египетский был суров к приходящим» [10, 57].

В скиту жило около 3,5 тысячи монахов, которые распределялись по четырем монастырям (по количеству церквей). Пресвитеры четырех церквей осуществляли духовное руководство братией — они наставляли, налагали наказания. Высшее руководство скитом принадлежало собранию старцев. По их выбору из монахов, уважаемых по возрасту, силе веры и святости жизни, назначался эконо́м.

Все подвижники, кроме престарелых и больных, содержались трудом рук своих. Рукоделие всегда было очень простым, оно не требовало усиленного труда от людей, изнуренным постом, и не отвлекало ум от молитвы. Трудились только для своего дневного пропитания или чтобы не быть в праздности. Скитский инок Павел, не имевший нужды в продаже своих изделий, постоянно плел корзины, а потом их сжигал [10, 105]. Все, что превышало насущные нужды, считалось заботами житейскими. Произвольная нищета и нестяжание почиталось выше многих других добродетелей. Житие Макария Великого рассказывает (этот рассказ в качестве примера нестяжания приводит в своем «Уставе» преподобный Иосиф Волоцкий), как однажды один монах спросил его: «Вот у меня три книги, и сам я получаю от них пользу, и братия получает назидание, что мне полезнее сделать: оставить их у себя или продать и полученное раздать нищим?» Макарий Великий ответил: «Первое хорошо, но нестяжание всего лучше» [10, 64].

Нестяжание — неимение и беспопечение — было необходимым и основным условием для созерцательной молитвы, которая одна составляла главное дело скитского инока. Исаак Скитской говорил: «Чтобы молитва могла быть возносима с должною горячностью и чистотою, необходимо

Икона «Ефрем Сирий». Фрагмент. XVII в.

всякую заботу о земных вещах отсеять, отстранить не только попечение о чем-нибудь, но и само воспоминание» [10, 107].

В скиту принимались приношения от богомольцев, но они уходили на содержание больниц, устроенных при церкви для содержания престарелых и больных иноков. Иногда приношения рассылались по келлиям как благословение Божие. Когда поступало большое пожертвование, для братии устраивались общие вечера.

Скитские келлии были так просты, что их сооружали за один день, а Нитрийский подвижник святой Аммон при усердной помощи братии выстраивал за один день весь монастырь.

Все монахи скита жили в келлиях по одному, юные иноки — под руководством старцев. Келлии стояли на удалении друг от друга и от церкви (примерно на пять тысяч шагов). В храмы собирались единожды в неделю, тогда же устраивались общие скитские собрания. Для многих монахов выход в церковь был почти единственным выходом из келлии. Святой Моисей так поучал новоначальных иноков: «Сиди в своей келлии, она научит тебя всему, что тебе должно делать» [10, 111]. Пост, пребывание в келлии и плач о грехах Макарий Великий почитал особенно необходимым для инока [10, 64].

Преподобный Нил Сорский. Миния на май. Фрагмент. Начало XX в.

Скитские иноки постились всю неделю, кроме воскресенья. Считалось грехом чревоугодия, если кто вкушал варево в простые дни, обычной пищей был хлеб с солью. «Если хочешь хлебать похлебку, то ступай в Египет», — говорили в скиту [10, 100]. Пост ослаблялся либо даже мог быть нарушен только ради великой заповеди любви — ради гостеприимства.

Монахи египетского скита славились не только строгостью жизни, но и духовным совершенством и своей мудростью.

Древние писатели отмечали, что среди жителей скита «наблюдалась великая любовь, и строгое воздержание, и дар разума» [9, 102].

Скитская форма монашеской жизни распространилась и в Палестине. Ученик Антония Великого Иларион Великий устроил свою лавру по скитскому обычаю, но строгого устава здесь еще не было, как и в монастыре Антония Великого.

Лавра святого Илариона не имела церкви, иноки не собирались вместе на еженедельные службы, а ходили в храмы близлежащих селений, они возделывали огороды и питались от трудов рук своих [8, 117]. Устройство лавры святого Илариона Великого наглядно показывает его житие.

Первые палестинские лавры-скиты со строгой уставной жизнью основал преподобный Харитон (около 350 г.): Фаран, лавру Сука и Иерихонскую лавру. В лавре Фаран преподобный Харитон устроил церковь даже прежде келлий, братия строго подчинялась настоятелю. Каждый лаврский монах трудился для себя, но для всех был общий закон, общий начальник и общий храм молитвы, и таким образом отдельные жилища и их обитатели соединялись в одно целое [См.: 8, 34—35].

Наиболее известными палестинскими лаврами стали монастыри Евфимия Великого и Саввы Освященного.

Здесь подчинение келлиотов настоятелю и уставу было еще более строгим, чем в египетских скитах. Настоятель не только руководил духовной жизнью монахов, но и заботился о их пропитании. Келлиоты получали от монастыря скудное пропитание (хлеб, бобы, финики), одежду, а взамен этого отдавали эконому свои изделия, изготовленные за неделю [См.: 8, 162].

Заповедь нестяжания считалась одной из основных в лавре, как свидетельствуют жития святых Евфимия и Саввы, иноки жили в скудости, пожертвования не являлись главным источником содержания братии, а использовались на нужды самого монастыря.

Распорядок и строгость жизни палестинских лавр также напоминали египетские скиты.

По правилу святого Герасима Иорданского, келлиоты оставались в своих келлиях пять дней, ничего не вкушая, кроме воды, хлеба и фиников. В субботу и воскресенье они собирались в церкви и после литургии ели вареную пищу и принимали немного вина [8, 162—163]. Наставляя братию на спасительный путь, святой Савва говорил: «Живи в келлии твоей, в другую келлию не переходи, из лавры не выходи, обуздывай язык свой, умеряй требования чрева твоего — и спасешься» [8, 162].

Правила жизни египетского скита так же строго соблюдались в лавре святого Евфимия, который был ревностным подражателем подвигов одного из знаменитых подвижников скита — Арсения Великого.

Афонские скиты, вторичные по своему происхождению по отношению к древним скитам Египта и Палестины, повторяли основные принципы скитского жития: общие богослужения совершались в воскресные и праздничные дни, остальное время монахи находились в своих келлиях, старцы скита принимали в келлии двух-трех послушников, где они жили в строгом послушании у своих наставников. Скитники соблюдали строгий пост, хлеб употребляли по весу, жили трудами рук своих, продавая свои изделия в афонских портах [См.: 11, 557].

Интересно, что в житийных сборниках преподобного Нила Сорского представлены жития святых — основателей различных форм монашеской жизни. Здесь жития египетских отшельников — Павла Фивейского и Антония Великого, скитского подвижника — Арсения Великого, устроителей палестинских лавр — Илариона Великого, преподобного Харитона, Саввы Освященного, Евфимия Великого и его учеников — Кириака Отшельника и Иоанна Молчальника, основателей общего жития: в Египте — Пахомия Великого, в Палестине — Феодосия Великого, на Афоне — Афанасия Афонского.

Выбор наиболее удобной формы монашеской жизни преподобным Нилом основывался не только на личном опыте (долгая жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре, на Афоне), но и на глубоком знании традиций.

Жизнь Нило-Сорского скита показывает, насколько точно и ревностно соблюдал преподобный Нил особенности древнего скитского жития в устроении своего скита, при этом он использовал свои знания о скитах Египта, Палестины, Афона.

Первой, наиболее зримой особенностью всех скитов является их местоположение. Если кино-вин, более раскрытые миру по своему характеру, как правило, стоят на открытых возвышенностях с плодородной почвой, в окружении озер и рек, то скиты и лавры, как и кельи отшельников, обычно устраивались в «пустыне».

Паломники, побывавшие в египетском скиту, так описывали его местность: «Это была дикая песчаная пустыня, где изредка только встречались ключи с едва сносною для питья водою. Сюда не было и проложенной дороги; путь направляли по течению звезд... Один вид этой страшной местности уже наводил глубокую тоску на душу» [9, XXXVIII; 10, 56].

Пустыней могли называться горные ущелья, лесные дебри, этим словом обозначались места необитаемые — пустынные, труднодоступные и малопригодные для жизни. Жизнь в пустыне считалась лучшей школой для келлиота. Ничто, даже красота видимой природы, не должно было отвлекать подвижника от безмолвия, созерцания, изучения Божественных Писаний — единственного источника богопознания. «У тебя перед глазами видимая природа, под руками Священное Писание. Природа для нас не ясна, но писание доступно для нашего разумения. Поелику из природы мы не можем научиться о Христе, остается отсюда познавать Божество Его, откуда знаем о Его человечестве. Одно Писание может научить нас об Отце и Сыне и Духе Святом» (Ефрем Сирин) [12, 90].

Жизнь в пустыне, помимо тягот и лишений, имела особый духовный смысл. В Евангелии дикие, необитаемые места представляются местопре-

быванием злых духов: «Когда нечистый дух выйдет из человека, то ходит по безводным местам, ища покоя» (Лк. 11, 24; Мф. 12, 43) [13, 333]. Поэтому «духовная брань», которую выдерживали подвижники в пустыне, считалась самой жесткой («люттой», по слову Нила Сорского) [6, 51].

Образ пустыни в Священном Писании имеет прообразовательное значение будущей процветшей земли: «Возвеселится пустыня и сухая земля, и возрадуется страна необитаемая и расцветет как нарцисс; великолепно будет цвести и радоваться, будет торжествовать и ликовать» (Ис. 35, 1–2).

Это чтение из библейской «Книги пророка Исани» включено в состав церковной службы на праздник Крещения как пророчество об оживлении и возрождении человечества, бывшего сухой и бесплодной пустыней, которое совершилось благодаря тому, что Спаситель принял на себя в Крещении грехи всех людей [14, 384].

Духовный подвиг святых, следовавших за Христом и победивших «духов злобы», также делает пустынную землю плодоносной, изобилующей водными источниками.

На службе в день памяти преподобного Нила Сорского (7/20 мая) также читается библейское пророчество Исани о пустынной земле [15, 3]. В день Страшного суда именно в пустыне, говорит пророк, откроется «путь чист, и путь свят наречется», по которому избавленные от вечных мук пойдут в вечную радость [15, 3] (ср.: Ис. 35, 8).

Место «пустынное и жестокое» выбрал для своего поселения и Нил Сорский, а его монастырь чаще всего называли Нило-Сорской пустынью. «Среди... различных угодий, которыми так изобилна здешняя светлая, счастливая природа, — отметил в своих записках С. П. Шевырев, — трудно отыскать убежище более грустное и уединенное, чем эта пустынь. Вид этого места с первого раза дает понятие о том, чего искал здесь святой, и совершенно соответствует характеру его духовных созерцаний, которые известны нам из его творений» [16, 2].

Воспоминания русских паломников и путешественников, побывавших в Нило-Сорском скиту, созвучны с описаниями египетского скита. Иной природный ландшафт, но тот же суровый характер унылой пустыни виден в них.

Чудо «...о явлении во сне царю Иоанну Васильевичу» рассказывает о богомолье царя в Нило-Сорской пустыни: «И прииде к Нилу чудотворцу, и молебное соверши пение, и виде пустынное место уныло и плачевно, и велие душеполезно, и прославив Бога, и житию чудотворца почудився» [17, 15 об.].

Придя на Сор, преподобные Нил и Иннокентий поставили кельи в лесу по скитскому обычаю — так, чтобы из окна одной можно было уви-

деть только другую келлию. В келлиях жили по одному. Уединение каждого инока в скиту сохранялось неукоснительно даже в XVII в.: лес «на свою потребу» рубить вблизи келлий запрещалось, как сообщает «Повесть о Нило-Сорском ските» [18].

«Повесть о пришествии преподобного Нила» рассказывает, что преподобный Нил ископал колодец и пруд неподалеку от келлий, а на реке Соре поставил мельницу «на потребу братии» [19, 12 об.; 17]. Келлия, колодец с питьевой водой, пруд для поливки огорода — этого было достаточно, по мысли преподобного, иноку скита для строгой нестяжательной жизни.

На некотором расстоянии от келлий (примерно 250 м) между двумя речками — Сорой и Бродью преподобный Нил наносил своими руками гору земли, так как место было болотистое и низкое. Здесь и поставили впоследствии первую скитскую церковь — во имя Сретения Господня.

Планировка Нило-Сорского скита повторила древние скиты, где храмы стояли в нескольких поприщах от келлий, а келлии были удалены друг от друга. Миниатюра из рукописи житий северных русских святых (ГИМ. Собр. Уварова. № 107), план-схема Ниловой пустыни 1761 г. (ГПБ. Кир.-Бел., 105 1341) следующим образом изображают скит. На холме, насыпанном Нилом Сорским, стояли три храма: церковь Сретения Господня — главный храм монастыря, теплая церковь с трапезой во имя Ефрема Сирина (построена, видимо, в конце XVI в., так как приходная книга строителя скита за 1611–1612 гг. сообщает, что в «новую церковь» куплена слюда для окна) [20, 15 об.] и церковь Иоанна Предтечи 1659 г. А рядом со сретенской церковью находилась «брусная колокольница, а на ней четыре колокола да часы боевые». Братские келлии находились в лесу, также на расстоянии от келлий и церкви размещались многие хозяйственные постройки.

Такая особенная планировка Ниловой пустыни сохранялась до 30-х годов XIX в., до тех пор пока она не стала общежительным монастырем и была полностью перестроена в соответствии с принципами общежития. Те же изменения происходили и с палестинскими лаврами, когда они превращались в киновии.

Так, после смерти Евфимия Великого его лавра приняла общежительный устав, сразу изменилась ее планировка: отдельные келлии срыли, выстроили общие келейные корпуса и новую, более просторную церковь, из старой церкви устроили трапезу, весь монастырь обнесли стеной [См.: 8, 80].

«Предание» преподобного Нила Сорского рассказывает о многотрудном составлении скита. Приходящим к нему преподобный Нил предлагал изучение Божественных Писаний, соблюдение заповедей Божиих и монашеское делание по преда-

нию святых отцов. Он строго предупреждал братию об опасности «самочинства», т. е. жизни по своей воле. Самочинников — тех, кто не хотел соблюдать Божественные заповеди и святоотеческие предания, он отправлял от скита «бездельны». Нил Сорский говорил, что лучше «отгнать», чем оставить творить свою волю [6, 5].

Правила скитской жизни, изложенные в «Предании» преподобного Нила, направлены на то, чтобы уберечь иноков скита от падений, нестроений, от влияния «мира», чтобы создать внешние условия, необходимые для внутренней созерцательной жизни.

Выходить из скита без благословения настоятеля и не в «установленное» время запрещалось. «Происхождения же от обителей наших творити не просто и якоже прилучися, но точию уставленная и нуждана. Безвременно бо не благословно исходити из келен не подобно, яко глаголет Великий Василий: настоятель благочинне да уставляет братии раздаяния делом. Также и отхождение комуждо ключимое и подобное да повелевает...» [6, 7].

Исхождение из келлии допускалось по «Уставу скитского жития», который был принят в Нило-Сорском скиту, во вторник, четверг, субботу и воскресенье (т. е. в непостные дни), Великим постом — в субботу и воскресенье [7, 230].

«Пития, елико пианства имут», в Ниловом скиту, как и в монастыре Кирилла Белозерского, не держали «никоторого».

В своем «Предании» Нил Сорский запрещает входить в скит женщинам, принимать отроков, держать скот «женьска рода на послужение» [6, 9].

Эти правила соблюдались по древней традиции во всех скитах. Савва Освященный и Евфимий Великий, как рассказывают жития, не принимал к себе «голоусых и безбрадых». Посылая отрока на возрастание в киновию Феодосия Великого, святой Савва говорил так: «Чадо нелепо есть и пакоство сице в лавре без брады имети кого. Се бо и старин скитыстин отцы установили. И мне предаша Еуфимиева чадь тако» (т. е. монахи монастыря Евфимия Великого) [21, 306]. Женщинам входить в лавру Саввы Освященного запрещалось даже для молитвы. В вопросах собственности преподобный Нил, как подтверждает «Завет» преподобного Иннокентия, также держался древних скитских уставов. Понятие «мое» в скиту практически отсутствовало. Одной из высших добродетелей скитского инока было полное нестяжание. Келлия также не являлась его собственностью. Если монах уходил из скита, то терял все права на нее. Если даже возвращался, то не мог требовать назад ту же келлию. Это решалось только по воле настоятеля [7, 286; 22, 93].

Правила о келлии из «Завета» преподобного Иннокентия вполне согласуются с «Правилами

Саввы Освященного», где сказано, что уходящий из лавры монах не имеет права «свои келлии или совершенно продать, или подарить их, но принадлежит это право святой обители», а достойные и нуждающиеся иноки должны получать келлии от игумена; даже старец не мог оставить келлию своему ученику [23, 184].

«Предание» Нила Сорского, как и «Правила» Саввы Освященного, почти ничего не упоминают о монастырских наказаниях. Скитский устав не предусматривал разработанной системы наказаний, как, например, общежительный устав Пахомия Великого. Все согрешения исправлялись только духовным наставлением: «Аще ли же кто от братии от разления или небрежения испадет от преданных ему в неких, исповедати подобает сия настоящему, и ты, якоже подобает, исправит съгрешения. И тако аще в келии случится съгрешение, или вне где изшедшему, исповеданием исправити сия» [6, 5].

Не желающие изменить свою жизнь должны были оставить монастырь. В «Правилах» Саввы Освященного сказано, что, если иноки повинны в раздоре до драки и не примирятся, их надо изгнать из лавры; если повинны в пьянстве, ссорах, нанесении обид, составлении партий, пусть исправятся или удалятся. Основное лаврское наказание (епитимия) заключалась в том, чтобы безвыходно находиться в келлии (кроме богослужебных часов) на покаянии [23, 184].

В разделе «О наказаниях» своего «Завета» преподобный Иннокентий говорит: «Аще который брат наш инок не восхощет управлять свое жителство по божественных заповедех, и по написанию господина и учителя моего старца Нила и по сиему нашему письмени. Но убо самочинием и самовольством восхощет водитися. Такового настоятель и братия да накажут. Аще ли и по наказании не исправится сего убо настоятель и братия измежут от пустыни яко плеву от житна» [7, 286 об.]. Раскаявшихся принимали обратно. Иноки, ушедшие из скита по своей воле, как гласит правило святого Саввы, уже не могли вернуться.

Весь уклад скитской жизни строился так, чтобы инок большую часть времени мог беспрепятственно посвящать «внутреннему деланию». Этому же способствовал и нестяжательный быт монастыря.

Согласно «Уставу скитского жития», братия Нилова скита собиралась на службу только два раза в неделю: в «четверток» (четверг) и в «неделю» (воскресенье). Если в другой день случался большой или двенадесятый праздник, то служба на четверг отменялась.

Само последование церковного пения и служб в Нило-Сорском скиту совершалось по уставу лавры Саввы Освященного, как сказано в каноннике Нилова скита [24, 1].

Каждое воскресенье полагалось служить «всенощное скитское, молебен и обедню», на «Владычьи праздники» (двенадесятые) — всенощное скитское и обедню, также «преподобным многим» — всенощное скитское и обедню.

Скитское всенощное бдение продолжалось всю ночь по обычаю всех скитов и лавр.

Накануне всенощной около шести вечера иноки собирались в храме и пели вечерню, после чего ставилась общая трапеза, если день был непостный. Те, кто хотели воздержаться от пищи (кому было по силам) ради всенощной, могли отказать. После трапезы иноки проводили время в беседах духовных или в «прочтении» святых писаний — это было время духовного общения монахов скита. Кому «требовалось вкусити сна», мог немного отдохнуть до «съмрака».

В первом или во втором часу ночи начиналось всенощное бдение [25, 2 об. — 4].

Скитская служба отличалась от служб общежительных монастырей не только продолжительностью, но и своим составом.

Во время скитской всенощной вычитывалось пол-Псалтыри (Псалтирь состоит из 20 кафизм, в киновиях обычно читали три кафизмы), большее число канонов — четыре.

В начале службы, по прочтении первых трех кафизм и канона Богородицы, все садились в молчании и со вниманием слушали «прочитаемое» из святых писаний и житий. Читать писания полагалось не торопясь — «якобы разказуя, не како простою речию», слушающие могли спрашивать пояснения и толкования на непонятные тексты. «Чтение седим послушающе со вниманием, аще кто требует просити во упование прочитаемых святых писаний, да вопрошает», — сказано в правиле всенощного бдения Нилова скита [26, 20 об. — 21].

Сохранился «ветхий соборничек» (существовал в XVII в. еще и «новый», согласно описям скитских книг) Нило-Сорского скита, в котором находятся избранные жития и «Слова» святых отцов, обычно читавшиеся на службах. Здесь «жития и подвиги» преподобных Димитрия Прилуцкого, Варлаама Хутынского, Сергия Радонежского, Кирилла Белозерского, преподобной Марии Египетской, святителя Николая Чудотворца, повесть об иконе Владимирской Божией Матери, «Слова» Андрея Критского и Иоанна Богослова на праздники Рождества и Успения Богоматери и другие [27].

После чтения начиналась исповедь: брат, стоя перед иконостасом, исповедовал всей братии свои согрешения: «Таковой приходит пред иконостас. Первые творит поклон ко святым иконам со смирением. Таж обратитца ко отцу и братии творит стих. И падает на лица своем посреди, исповедуя злая своя, имиже есть удержан и прося прощения и молитв отца и братии, еже помолитися

Святые врата и Покровская церковь в Нило-Сорской пустыни. Рисунок из альбома И. Ф. Тюменева «По Руси» (1882—1909 гг.)

о нем избавиться ему от таковых страстей молитвами их. И тако по исповедании и наказании ж от отца просит прощение. И востав отходит на место свое» [26, 21].

Чтение писаний и исповедь продолжались два-три часа. На скитской службе почти все читалось, некоторые песнопения из обычной службы опускались. «Точию чтением и бдением трезвимся», говорится в правиле скитской службы.

Утренняя заканчивалась в седьмом часу утра, когда «приспеет ночь к дневным зорям» [26, 22].

После утрени и чтения первого часа все расходились по келлиям. Затем вновь собирались на молебен, если он полагался в этот день, после молебна служилась обедня, в конце службы все просили прощения друг у друга и расходились по келлиям, пребывая в них «не исходяще... кроме благословенных вин дондеже паки сход будет» [28, 132].

Первое время, пока в скиту не было церкви, иноки ходили в храм близлежащего монастыря или собирались в соборной скитской келлии. «Устав скитского жития» специально оговаривал этот случай. Тогда монахи должны были «проводить ночь псалтырем и прочими елико возможно будет вместити». Если по каким-то обстоятельствам один инок оставался вне церкви и «не умел книг прочитати», тогда он должен был «трезвиться всю ночь», читая Иисусову молитву и занимаясь рукоделiem в своей келлии [25, 5 об.]. Скитские иноки могли, как пустынники и отшельники, причащать себя сами святыми дарами, которые брали на службе. Преподобный Нил Сорский выписывал это правило святого Василия Великого в свой сборник, видимо руководствуясь им в то вре-

мя, когда в скиту еще не было храма и регулярных служб [25, 15 об. — 50].

Все время, кроме общих служб, скитники находились каждый в своей келлии. Инокам скита, сказано в «Уставе», «не прилична сут таковым соборнаа пенна. Но токмо труды иже по Бозе и трезвение ума тем же и каждо их в келиах своих имеаху трезвение и попечение о себе же и своем правиле» [7, 207 об.].

Каждому полагалось иметь в своей келлии иконостас: «Аще ли невозможно есть кому святых икон стяжение, а он поне, крест. И тако при нем пети установленни канон в келии своей. И кадити иконостас по обычаю во время пения соборных» [7, 221 об.].

Келейное правило иноков скита было большим. Но мера для каждого монаха могла устанавливаться отдельно — каждому «противу силы своея», так как «неможным несть устава». «Да аще кто... не может совершати вес преданный устав а он половину сего. Аще ли ни сей и он третью часть или четвертую каждо противу своей крепости». «Но елико кто может вместити да вместит» [7, 215, 234].

Устав особо предупреждал против лености и расслабления, ибо скитский инок большую часть времени находился в одиночестве: «...и премудрый Соломон рече иже не смотрят дому своего подобен есть ветру» [7, 223]. Нерадивым и ленивым посвящена целая глава устава. Нерадение о своем установленном правиле ведет к «слепоте и помрачению ума. И от сего конечное нечувствие и незнание своему неразумию. С ними же и многа и горшая последуют» [7, 229].

В то же время устав указывает и на меру: «Но яко всяко дела мера украшает яко вся иже выше меры начинаете, от бесов суть таковая» [7, 228 об.]. Повседневно полагалось на день и на ночь отпевать по «полпсалтыря», молитв 600 или 1000, поклонов 300 или 600; неграмотные вместо псалтыри должны были вычитывать 6000 молитв, и за «полпсалтыря» — 3000 [7, 213].

Это правило «Устава скитского жития» совпадает с афонским. Архимандрит Киево-Печерского монастыря Досифей, побывавший на Афоне в начале XIV в. (на полтора столетия раньше преподобного Нила), сообщает, что афонские монахи, которые отдельно живут в келлиях (т. е. келлиоты — распространенное афонское название скитских иноков), всякий день прочитывают по-

ловину Псалтиря и по 600 молитв «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя». Если кто хочет прибавить, то в его воле. Сверх того полагают от 300 до 500 поклонов. Не умеющие грамоте совершают 7000 молитв Иисусовых, кроме поклонов и церковного правила.

Архимандрит Досифей пишет, что в его время на Руси вся Псалтирь вычитывалась в монастырях только Великим постом и в другие посты, «но святогорцы живут не так: они одно правило держат во всю жизнь» [Цит. по: 29, 122].

К XVI в. в русских монастырях уже было известно это правило Афонской Горы, описанное архимандритом Досифеем. В библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря, куда поступали новые переводы богослужебных и святоотеческих книг из монастырей Афона и Царьграда имелся, например, сборник богослужебный и патристический XV в. (ныне: ГПБ. Кир.-Бел., 34/1111), где на листах 315–316 об. переписано правило архимандрита Досифея (несколько кирилловских сборников включают в себя описание афонских уставов — см.: ГПБ. Кир.-Бел., 101/358. Псалтирь следованная с уставом Святой Горы Афон. XVII в.).

В результате активных книжных связей русских монастырей с Афоном на протяжении второй половины XIV и всего XV столетия, видимо, менялось и уставное молитвенное правило русских иноков. В XVI в. повседневное чтение Псалтири стало уже обязательным. Так, по правилу Иосифо-Волоколамского монастыря, инок «совершал», т. е. вычитывал, всю Псалтирь в своей келлии каждые пять дней («с недели до пятка» — с воскресенья до пятницы), Великим постом — две Псалтири за пять дней (это правило «у честных старцов» Иосифова монастыря описывает в своем сборнике дьяк Иван Плешков — см.: ГИМ. Щук. 212. Л. 212–212 об. Видимо, он внимательно изучал традиции и обиход наиболее известных монастырей России, так как в его книге находим обиходы и уставы Кирилло-Белозерского, Иосифо-Волоцкого и Нило-Сорского монастырей, что дает возможность сравнить жизнь русских киновий и Нило-Сорского скита. Инок Нило-Сорского скита, по уставу, полагалось прочитывать Псалтирь за два дня.

Не только скитские монахи, но и общежительные, в частности кирилловские и волоколамские, постоянно «держали Молитву Иисусову», как и

Скитская церковь Иоанна Предтечи и келлия над колодезем Нила Сорского. Рисунок из альбома И. Ф. Тюменева

афонские старцы. Согласно описанию Плешкова, инок Иосифо-Волоколамского монастыря должен был за день вычитать 100 молитв Богородице и 1900 Иисусовых.

И все-таки разница молитвенного правила общежительных и нилосорских монахов оставалась существенной. «Ино же есть деание безмолвия, и ино общего жития», — писал в своих «главах» Нил Сорский [6, 26].

«Молитва усты» (т. е. молитвы, которые поют и читают по определению Нила Сорского) [6, 23] и «телесное делание» (поклоны), строго определенные на каждый день, составляли главным образом молитвенное делание волоколамского инока. Обычно монах Иосифо-Волоколамского монастыря вычитывал в келлии четыре кафизмы, два канона, повечерню малую (часть вечернего богослужения, совершаемого по вечерам, т. е. после ужина) и полунощницу (молитвы, читающиеся в полночь), совершал поклоны с молитвой Богородице [См.: 28, 211 об. — 212].

Скитский инок также совершал повечерню, полунощницу, псалмы, поклоны. Но основное внимание всего келейного правила монаха скита сосредоточивалось на «умной молитве», на достижении безмолвия — исихии, когда «не молитвою молится ум, — пишет преподобный Нил в своих «Главах», — но превыше молитвы бывает; и в обретении лучшего молитва оставляется, и в изступлении бывает, и ни хотения имать чего» [6, 27].

«Молитва усты», по учению святых отцов, является только необходимой и долгой подготовкой к «умной молитве». «Телесное делание — лист то-

Тихвинская часовня по дороге к
Нило-Сорскому монастырю. Рисунок
из альбома И. Ф. Тюменева

чно», а «умное — плод есть» [6, 11—12]. Именно об этой «умной», внутренней молитве, как о высшем монашеском делании, писал в своих «Главах» преподобный Нил Сорский.

«Жительство Ниловы пустыни», записанное Плешковым, так рассказывает о келейном пребывании скитских иноков: после захода солнца «седи в келлии безмолствуя и собрав си ум держи молитву имей же с нею и память смертную память суда Божия и воздаяния благим же и злым делом имея во всем себе грешнейша всех и бесов сквернейша и по сех како хощеши мучен быти». Если придут слезы умиления, то необходимо постараться держать молитву — час, а потом перейти к молитвенному деланию — пению вечерних молитв (повечерицу), после этого вновь держать молитву — уже чистую, без всякого размышления, даже душеполезного, без помысла и мечтания — «елика ти сила со всякою бодростию полчаса».

Преподобный Нил Сорский говорит об этом словами Григория Синаита и Симеона Нового Богослова: «О молитве... прилежно попечение имети, всех помысл ошааея в ней, аще мощно; не точию злых, но и мнимых благых и искати в сердце Господа, еже есть умом блюсти сердце в молитве и внутрь сего всегда обращаться...» [6, 23—24]. После вечернего правила полагался краткий сон, полунощница (ночные молитвы) и вновь молитва «чистая без парения час един». Если находил помысл уныния, то пели псалмы, читали молитвы по собственному усмотрению, молитвами первого часа дня (около семи утра) заканчивалось келейное ночное бдение.

От утра до времени трапезы полагалось читать Евангелие, Псалтирь, святоотеческие книги, молитвы, после трапезы наступал отдых — «час един», потом занятия рукоделием с внутренней молитвой, чтение и пелись вечерние молитвы (вечерня).

Так день и ночь инок Нило-Сорского скита проходили в непрестанной молитве, как и учили древние скитские отцы: «Час молиться, час чести (читать. — Е. Р.), час пети и тако день преходити еже добре» [6, 25].

Подвижник египетского скита старец Исаак наставлял иноков: «Цель всякого монаха и совершенство заключается в постоянной непрерывной молитве, сколько возможно для немощи человеческой. Для достижения

сего мы употребляем все труды и все сокрушение сердца» [10, 107].

Скитское келейное правило специально оговаривало, что, если в любое время дня и ночи придет на ум чистая молитва и помысл умиления, держать их, сколько можно, не думать об исполнении правила, не совершать поклоны — все оставить ради чистой молитвы.

Так и преподобный Нил Сорский наставлял иноков в своих «Главах»: «Аще бо... видиши действующую молитву в твоём сердце и не престающую двизатися, да не оставиши ю никогда же и встанеши пети, аще не по смотрению оставит тя: Бога бо внутрь оставь, извну призываеши, от высоких к нижним преклоняю» [6, 26].

Подробное описание келейного пребывания иноков Нило-Сорского скита, сделанное дяком Иваном Плешковым, является важным свидетельством того, что и в XVII в. традиция «мысленного делания» в Нило-Сорской пустыни не угасала. (Г. П. Федотов писал в своей книге, что с середины 50-х годов XVI в. носифлянство торжествует, а мистическое направление в русском иночестве угасает [30]. Сведения о келейном правиле нилосорских и волоколамских монахов позволяют оспорить этот вывод.)

Само «Жительство Ниловой пустыни», по которому жили монахи Нило-Сорского скита, было составлено в соответствии с учением преподобного Нила и святых отцов об «умной молитве».

Не только планировка, местоположение, особенности хозяйственного уклада, богослужебного устава Нило-Сорского монастыря делали его похо-

жим на древние скиты, но в первую очередь сам строй его духовной жизни.

Заповеди о скитской жизни Нила Сорского «от преданий святых отец», главы «О мысленном делании» в его монастыре не забывали.

Каждый год накануне Великого поста, в Прощеное воскресенье, иноки Ниловой пустыни собирались в храме «прощаться», т. е. просить прощения друг у друга. Перед чином прощения обязательно читалось «Предание» «опасно иночествующаго во времена сия и подражателя древних святых отец постника пощенника Господня и отца нашего инок Нила», обращенное к тем, кто начнет «терпеть» и спастись в его скиту [28, 116].

Чтению «Предания» предшествовала молитва: «За молитв преподобного отца нашего старца Нила, скитскаго чудотворца, Господи Иисусе Христе Боже наш, помилуй нас» [28, 116].

«Устав скитскаго жития», «Предание начальника старца Нила» часто переписывали в пустыни для монастырской братии и на заказ.

«Писал старец Серапион два предания начальниковых...», он же «переделявал наново книгу Устав от переплетки за кожей за главу дано 6 алтын 4 деньги» [20, 12 об., 26 об.] — такие записи часто встречаются в приходно-расходных книгах Нилова скита.

Скитский устав обращал особое внимание иноков на то, что без Божественных Писаний, без их постоянного изучения невозможен путь к духовному совершенству. «Неумеющим писания» полагалось учиться у искусных братий: «...не умея книг же пети или прочитати да учится елико есть мощно» [7, 211 об.].

Знание грамоты и Божественных Писаний было необходимо скитскому иноку, так как книга подчас заменяла духовника.

Устав наставлял «вся исповедовати духовным и рассудительным. И по тех рассуждению творити о всех, а не уповати на себя... горе уповающим на ся. И им же, несть окормления, падают якоже livestock» [7, 234].

Юные иноки, согласно уставу, обязательно должны были находиться со старейшими и учиться у них. «Кроме старейших младым пребывати никако ж подобает» [7, 220 об. — 221].

Двое или трое могли собираться вместе только «по нужному прилучению о имени Господнем».

Успенский скит Нило-Сорской пустыни. Рисунок из альбома И. Ф. Тюменева

Если собиралось больше трех иноков, все должны были повиноваться «единому старейшему по чину послушания во всякой вещи» [7, 231].

Эти правила традиционно соблюдались в скитах для того, чтобы опыт монашеского делания обязательно передавался от старца к ученику¹. Но и скитский устав, и преподобный Нил предупреждали, что найти духовника трудно, особенно, говорил Нил Сорский, в его время [31, 140]. Поэтому, если духовник «не имеет духа или слепец по Господню речению», «таковому не исповедати» [7, 234]. Тогда единственным духовным руководством оставались Божественные Писания.

Традиция изучения Божественных Писаний, положенная в скиту Нилом Сорским, никогда не прерывалась.

Небольшой скит, затерянный среди лесов и болот, имел богатую библиотеку.

Любимым чтением монахов Нило-Сорского скита были патристические и агиографические сборники. Краткие поучения от старчества, конкретные и назидательные примеры житий являлись главным духовным руководством ко спасению.

Часто упоминают описи монастырской библиотеки и творения Ефрема Сирина. Этого святого особо чтит в Нило-Сорском скиту.

Один из скитских храмов был освящен во имя преподобного Ефрема, иконописные образы Ефрема Сирина находились в ряду местночтимых икон в иконостасе и на стенах храмов Ниловой

¹ О традициях старчества в древних скитах см.: 10, 16.

Успенский скит. Часовни Гроба Господня и Гефсиманская. Рисунок из альбома И. Ф. Тюменева

пустыни². Описи церквей называют их так же часто, как и образы наиболее чтимого северного русского святого — Кирилла Белозерского, основателя монастыря, с которым Нило-Сорский скит имел самые тесные духовные и экономические связи (в церкви Иоанна Предтечи икона Ефрема Сирина вошла даже в состав деисусного чина парной иконой к образу Кирилла Белозерского, в церкви Сретения в местном ряду находилась икона с изображением Кирилла Белозерского и Ефрема Сирина на одной доске) [32, ед. хр. 683, л. 2 об.].

² *Опись 1672 г. [32, ед. хр. 683] упоминает образы Ефрема Сирина местных в церкви Сретения (л. 4 об.), в церкви Предтечи (л. 8); состав деисуса церкви Предтечи уточняет опись 1761 г. (ГПБ. Кир. Бел., 105 1341), в ней назван образ Ефрема Сирина в деисусе храма (л. 8 об.).*

Такое почитание Ефрема Сирина в Ниловой пустыни помогает понять особенности духовного строя этого монастыря.

«Учителем покаяния» называет церковная традиция преподобного Ефрема Сирина. «Непрестанно плакать для Ефрема было то же, что для других дышать воздухом», — писал о нем святой Григорий Нисский [33, 94].

Древний тропарь Ефрему Сирину, который мы находим в богослужебных рукописях XVI в. Кирилло-Белозерского монастыря, говорит о святом, что он всегда провидел час испытания — день Страшного Суда, был учителем и делателем заповедей Божественных и тем ленивых воздвигал к

покаянию: «Час присно провидя испытания. Рыдаше горце Ефреме. Яко любя безмълвие. Делательникъ ж быть еси в делех учитель божественъ. Тем же Отче всекрасне. Ленивыя въставляещи к покаянию» [34, 435 об.].

На всем протяжении Великопостного поста читается краткая покаянная молитва Ефрема Сирина, на самых строгих службах Страстной седмицы обыкновенно предлагаются для назидания избранные слова из творений Ефрема Сирина.

Так, в Нило-Сорской пустыни, где службы Великого поста проходили в теплой церкви Ефрема Сирина, в Великую среду, когда Церковь вспоминает предательство Христа Иудой, на службе читалось слово преподобного Ефрема об Иосифе Прекрасном (об этом сообщает правило всеобщего бдения Нило-Сорского скита) [26, 88].

Жизнь Прекрасного Иосифа (Быт., главы 37, 39—50), проданного в рабство своими родными братьями, прообразовала, по толкованию Ефрема Сирина, первое пришествие Христа, преданного и распятого, и Его Второе пришествие в славе для Страшного суда над человечеством [35, 29].

В Великий пяток (пятницу) и на вынос плащаницы читалось слово Ефрема Сирина о великих страстях Господних [26, 88].

Ни о чем так много не писал Ефрем Сирин, как о Страшном суде и покаянии. Многие его проповеди обращены к монашествующим, в них он говорит, что должно строго хранить монашеские обеты.

В храме Ефрема Сирина Нило-Сорского скита в местном ряду находилась икона преподобного Ефрема, перед которой и проходили в основном монашеские исповеди. На этой иконе Ефрем Сирин изображен «с хартней со словами против нерадивых иноков» [1, 246—247], не соблюдающих монашеских обетов: «Ефрем глаголет яко велика беда есть, идеже закон и правила не жительствует во иноцех. Аще ты, окаянне, слабости ради твоя и пристрастия, скорбей ненавидиши и терпения отбегаша, и ярем легкий Господа своего злословиши, яко жесток и тяжек есть, глаголеши, и не могу понести его. Люте тебе, окаянне, и кто помилует та, самого себя погубивша, лутче тебе тату не есть тебе. Разбойник и Блудник молят бо да спасени будут. Тебе же блажат человецы яко предвечна. Ты же со лжею живещи

в добром жити, и сладост мира сего и похоти его возлюбив, Небесное ж Царствие возненавидел еси» [36].

Эти слова Ефрема Сирина напоминают строгие предостережения Нила Сорского, обращенные к «самочинникам» в его «Предании... учеником». Не случайно «Предание» Нила Сорского читалось всей братии накануне Великого поста.

Думаю, что особое почитание Ефрема Сирина в Нило-Сорской пустыни было связано еще и с тем, что он сравнивался в памяти монахов скита с образом Нила Сорского, тем более что канонизовали Нила Сорского не сразу, его иконы, житийные рассказы о нем появились гораздо позже преставления, поэтому память о «начальнике старце Ниле» передавалась сначала, видимо, в устных рассказах иноков Ниловой пустыни, а желание сохранить образ основателя скита отразилось в поисках наиболее близких ему святых.

Как свидетельствуют жития древних святых, память о святом — основателе монастыря сохранялась обычно двояким образом: свидетели его жизни передавали своим ученикам конкретные подробности жития, поучений святого и в то же время, рассказывая о нем, всегда искали аналогий, обобщающих сравнений с другими преподобными, наиболее близкими по характеру личности и монашеского подвига.

Так, в житии Афанасия Афонского сказано, что он был мудр и сокровенен добродетелью, как Арсений Великий; многим наставник, как Савва Освященный и Пахомий Великий; именит, как Антоний Великий [37, 335]. Немало общего можно найти в сочинениях Ефрема Сирина и Нила Сорского, которые ярко характеризуют черты их личности. Проповедь «Духа сокрушенного» составляет «именную печать души преподобного Ефрема» — об этом говорили многие историки Церкви, писавшие о жизни и сочинениях Ефрема Сирина [12, 82–83].

«Смирение глубоко проникает проповедь святого Ефрема и составляет весьма заметную выдающуюся и характернейшую черту... Весьма многие свои проповеди он начинает исповеданием своего недостойнства или немощи» [38, 406].

Одно из сочинений Ефрема Сирина так и называется — «Исповедь, или Обличение самому себе». Обличая себя, преподобный Ефрем пишет, что от юности своей он был страстен и раздражи-

Святые врата Иоанна-Предтеченского скита. Рисунок из альбома И. Ф. Тюменева

телен и за всю жизнь не сделал ничего благого: «Будьте по сердоболию своему сострадательны ко мне, братия. Избранники Божии, склонитесь на воззвание человека, который обещался благоугодить Богу и солгал Творцу своему... От юности я стал сосудом неупотребным и нечестным... Увы мне, какому подпал я осуждению. Увы мне, в каком я стыде!» [39, 96].

Сокрушению о своих грехах посвящена «Молитва... старца Нила... имущая покаяние и исповедание грехов и страстей». В ней Нил Сорский говорит, что он даже землю оскверняет своим «хождением»: «Яко несть ин грешник на земли яко аз. Ни бысть ин никтоже от Адама даже до днесь. Всяк бо день и час и малый часец без согрешения не прендох от младенства даже до днес и вся уды душа и тела оскверних от рожения моего всегда во гресех. Того ради боюся трепеща наведения горькия смерти и праведного суда твоего и лютых грозных мук вечных ждущих грешных, аз окаянный и злобесный пес, нечистый и всескверный» [40, 61 об. — 62].

«Молитва» преподобного Нила Сорского вторит размышлениям Ефрема Сирина «О Втором пришествии Христовом»: «Только я вспомнил об оном страшном пришествии Христовом, как вострепетали кости мои, душа и тело содрогнулись, я восплакал с болезнию сердечной и сказал со стенанием: как явлюсь я в тот страшный час? как предстану пред судилище страшного Судии? что буду делать, когда святые в чертоге небесном будут узнавать друг друга? кто признает меня?. Мученики покажут свои раны, подвижники — свои добродетели, а я что покажу, кроме своей лени-

Юго-восточный угол Иоанно-Предтеченского скита. Рисунок из альбома И. Ф. Тюменева

ти и нерадения? О душа недостойная! О душа грешная! О душа безстыдная! О душа, всегда ненавидевшая жизнь!» [39, 98].

В проповедях преподобный Ефрем называл себя грешником, который должен прежде извлечь бревно из собственного глаза, невеждой и неучем, уверял, что он сам виновен во всем том, от чего советовал слушателям остерегаться, и ничего не соблюл из того, чему поучал.

Отправляя послание к брату, вопросившему его о помыслах, Нил Сорский писал: «Что бо аз реку, не створив сам ничто же благо! кый есть разум грешнику? Точною грехи» [31, 136].

Весьма заметную черту проповеди, как и личности Ефрема Сирина, составляла его любовь и горячая ревность о спасении ближнего. Он увещевал, просил, умолял: «Умоляю вас, чада мои, потрудимся в это краткое время. Не будем нерадивы здесь, возлюбленные мои, чтобы не раскаяваться безконечные веки, где не принесут нам пользы слезы и воздыхания, где нет покаяния... потрудитесь, чада мои любимыя, умоляю вас, потрудитесь, чтобы мне о вас и вам обо мне радоваться вечныя времена» [38, 404–405].

О своем горячем желании по силе помочь всем спастись писал Нил Сорский в каждом своем сочинении и послании — в этом он видел единственный смысл своих «писаний»: «И аз сего ради предах писание господе и братии моей спасения ради моего и всех произволяющих въздвизая совесть к лучшему и съхраняяся от небрежения и злого жития и вины, иже зле и плотскаа мудрствующих человек, и преданий лукавых и суетных,

иже от общаго нашего врага и лestyца и от нашея лености пришедших» [6, 2].

«Присный духовне любимый мой», «присный возлюбленный мой» — обращается Нил Сорский к старцу Герману Подольному, прося исполнить его свои духовные советы, как бы они ни казались жестоки и трудны: «Аще и грубо написах ти что, но не иному кому, но тебе — присному возлюбленному моему, не хотя презрети прошение твое. Надею бо ся, яко с любовию приимеши и не позарыши неразумию моему. А о вещех наших, о них же молих святыню твою, та добре потшался еси устроити, о том челом бию. Бог да воздасть ти мзду противу твоему труду» [31, 143].

Умирая, преподобный Ефрем

Сирин оставил завещание, в ко-

тором просил положить его на кладбище с безвестными странниками: «Кто положит меня под алтарем, да не узрит он алтаря Бога моего, неприлично смердящему трупу лежать на месте святом. Кто погребет меня в храме, да не узрит он храма света, недостойному бесполезна слава пустая. Возмите меня на плеча и бегите бегом со мною и бросьте как человека отверженного» [41, 174].

Просьба Нила Сорского к братии своего скита бросить его тело без всякого погребения или без чести сродни духовному состоянию Ефрема Сирина, выраженному в его завещании.

Редкое даже в среде монашества «Завещание» Нила Сорского (подобные примеры, кроме «Завещания» Ефрема Сирина, можно найти только в древних житиях Арсения и Антония Великих)³

³ На близость завещания Ефрема Сирина и Нила Сорского указывала Ферри фон Лилиенфельд [22, 96].

должно было произвести потрясающее впечатление на иноков Нилова скита. И в то же время оно еще раз ярко высветило главную черту духовного образа основателя монастыря — глубочайшее сознание своего недостойнства.

Для сорских монахов «богомудрый старец Нил» был учителем смирения и покаяния, как и преподобный Ефрем Сирин для вселенского монашества.

Пример жизни и подвижничества Нила Сорского, его сочинения, молитвы, им составленные, «Завещание» стали основой духовной традиции Нило-Сорского скита, — традиции «умной молитвы», безмолвия и непрестанного покаяния.

Многие старцы Нило-Сорского скита имели прозвание пустынников. Так они вписаны в скит-

ский синодик для вечного поминовения: Филипп Пустынник, Вавила Пустынник, Корнилий За-творников и Пустынников [42, 28 об. — 29]. Синодик же называет имена 13 монахов схимников, подвизавшихся в Ниловой пустыни в конце XVII — начале XVIII вв. [42, 15 об. — 16 об.].

Важным и необходимым условием для молитвы и созерцания были организация хозяйственной жизни и нестяжательный быт монастыря. Заботу о том, чтобы монахи скита не имели «житейских попечений», брал на себя строитель скита — он строил жизнь монастыря.

Строитель ведал хозяйственными и административными делами скита. Его, пожалуй, можно сравнить с настоятелем палестинских лавр или с экономом и отчасти пресвитером египетских скитов (пресвитер в скиту был не только настоятелем церкви, т. е. священником, но и наблюдал за монастырской дисциплиной; пустынский строитель не являлся духовным наставником, чаще всего не имел священнического сана, он отвечал за благочестие и хозяйство монастыря).

Строительское послушание в Нило-Сорской пустыни появилось, видимо, со второй половины XVI в. (грамота 1513 г. великого князя Василия Иоанновича еще не называет жалование для строителя, его определяет только грамота царя Иоанна Грозного).

Кем осуществлялись обязанности эконома и настоятеля в скиту при Ниле Сорском — неизвестно.

Сам преподобный Нил, видимо, был для иноков скита только старцем, духовным руководителем, т. е. имел власть духовную и никакой административной. В своем «Предании» он обращается к монахам скита как к «братии своей присной», равной ему [6, 1–2].

Синодик Нило-Сорского скита первыми из сорских монахов называет имена «старцев Нила и Иннокентия». Затем следует имя священноигумена Корнилия. Видимо, незадолго до преставления Нил Сорский сам благословил первого игумена своему скиту. Корнилия сменил священноигумен Савва, больше за XVI–XVIII века синодик не называет имен игуменов монастыря [6, 1–2]. По приходным книгам скита известны только строители Нило-Сорской пустыни.

Сначала сами скитские старцы выбирали строителя из пустынской братии (так же выбирался эконом в египетском скиту).

В 1641 г. по указу царя Миханла Феодоровича Нилов скит (видимо, после разорения во время польско-литовской интервенции в 1612–1618 гг.) был приписан к Кириллову монастырю. С этого времени строитель для скита выбирал собор кирилловских старцев. Если строитель вел скитские дела плохо, старцы скита могли пожаловаться архимандриту Кириллова монастыря и попросить другого.

Такое произошло в 1652 г. В одной из приходных книг сохранилась челобитная скитских монахов: «Государю архимандриту Митрофану и Государю келарю старцу Савватию и всем старцам соборным Кириллова монастыря бьют челом нищие богомольцы и ваши Сорьские пустыни Нилова скиту чернец Иосиф, и чернец Христофор, и чернец Влас, и вся братья: пожалуйте нам, Государи, отпищика пришлите, чтобы нам строителя старца Селивестра сочести при всей братии, чтобы нам ведомо было, а нам на него отписать, как вам, Государем, Бог известит. Государи, смилуйтесь, пожалуйте» [32, ед. хр. 672, л. 1 об.].

Практически все необходимое для жизни иноки Нило-Сорского скита, как и монахи палестинских лавр, получали из скитской казны: продукты, утварь, дрова. В особых житиях каждый имел все свое, и «уровень жизни» монаха зависел от его обеспеченности. В хозяйственной жизни скита, наоборот есть элементы общежительности: монах получает содержание из общей монастырской казны, но отсутствие общей трапезы позволяет не иметь и не вести обширного монастырского хозяйства, как в киновиях.

Общей трапезы в Нило-Сорской пустыни, как и в других скитах, не устраивалось, каждый пек хлеб и питался отдельно. Строитель «кормил» братию, т. е. делал общую трапезу, только на престольные, большие, двенадесятые праздники и в дни именин членов царской семьи.

С 1515 г. скит Нила Сорского по ходатайству князя Вассиана Патрикеева стал получать государево жалование (ругу). По грамоте великого князя Василия Иоанновича, каждый год житничные и рыбные приказчики в городе Белозерске выдавали из государевых запасов Нилову скиту 155 четвертей ржаной муки (8680 кг) на 14 человек. Если число братии уменьшалось, то хлеба выдавалось меньше (по 560 кг каждому старцу, 1120 кг — священнику и 840 кг — дьякону) [43, 131].

Царь Иоанн Васильевич Грозный, которому не удалось исполнить свое желание — построить каменный храм в скиту Нила Сорского, увеличил жалование монастырю. Кроме ржи, рыбные приказчики Белозерска должны были выдавать для скита соль, пшеницу, гречу, овес и горох, также деньги на «воск, мед и ладан»; «а давати им велено та руга на срок на Крещение Христово, ежегодно безпереводно». Хлеб в скит возили крестьяне государева села Чюжба (недалеко от Белозерска) на своих подводах [44].

Грамота царя Иоанна Васильевича была подтверждена в царствование Феодора Иоанновича (грамота 23 марта 1588 г.) и Бориса Годунова (грамота 21 января 1599 г.) [44, 394].

Получив государево жалование, строитель раздавал его братии продуктами («запасом») и день-

гамн. Все это он записывал в свои расходные книги: «Старцу Фоме и сыну его старцу Иосифу дано запасом шесть четвериков муки ржанное... да им же дано круп четверик да толокна четверик, да полпуда соли... суцу рыбы... полчетверика гороху... да ему же дано с сыном деньгами к запасу 10 алтын денгов мая с 14 числа июля по 14 числа... да ему ж дано Фоме с сыном горшков на 9 денег...» [32, ед. хр. 666, л. 6].

Как и чем жил Нило-Сорский скит при преподобном Ниле — неизвестно. Но с 1515 г. и до начала XVIII в. (последняя грамота о выдаче руженных денег пожалована в скит царями Петром Алексеевичем и Иваном Алексеевичем в 1683 г.) [45, 13] государево жалование было основным средством содержания братии. Это, несомненно, отличало Нило-Сорский скит от древних скитов, для которых пожертвования не являлись главным источником пропитания. Как справедливо заметил Н. К. Никольский [46, 158—159], видимо, действительно прокормиться только от трудов рук своих (обычное рукоделие сорских монахов — книго- и иконописание, огородничество) в условиях Русского Севера было гораздо труднее, чем в скитах Египта, Палестины и Афона. Это учитывал Нил Сорский, разрешая своему монастырю принимать милостыню нужную, но не излишнюю: «Аще ли не удовлмися в потребах наших от делания своего за немощь нашу... то взимати мало милостыня от христороубцевь нужная, а не излишняя» [6, 6].

Такой «нужной милостыней» вполне можно считать «государево жалованье», так как оно не нарушало нестяжания ни монастыря, ни монахов.

Вплоть до XIX в. Нилова пустынь не имела пахотной земли, скота, скит никогда не владел селами и деревнями. Все монастырское хозяйство, как свидетельствуют описи, составляли конюшня, «сарай кирпичной», холодник, «мельница со всею мелничною снастью», сушило дров, амбар и житница в Кирилловом монастыре (видимо, необходимая для хранения «хлебного запаса», который с середины XVII в. Нилов скит по государевой грамоте получал в Кирилловом монастыре) [32, ед. хр. 681, л. 19].

Царское жалование нельзя назвать большим — это минимум, необходимый для пропитания скита. Жил скит очень небогато. Убранство храмов было самое простое: иконы без драгоценных окладов, деревянная и оловянная посуда, железные лампы, простые покровы, бумажные пелены у образов. Так, опись за 1651 г. говорит, что в церкви Ефрема Сирина «сосуды церковные деревянные» [32, ед. хр. 671, л. 11], через несколько лет строитель старец Варлаам купил для этого храма новую оловянную посуду [32, ед. хр. 673, л. 6 об.]. Немногие драгоценные книги, иконы, сосуды, по-

даренные богомольцами скита, находились в алтаре церкви Сретения и в храме Иоанна Предтечи.

Ничего излишнего не имели и сами монахи — только несколько икон в келлиях, как говорят описи, да деревянную посуду («а в кельях посуда всякая деревянная», сковороды блинные, кочерги и заслонки печные) [32, ед. хр. 679, л. 19], как и заповедал Нил Сорский: «Себе же в келлах наших съсуди и прочая вещи многоценны и украшены не подобает имети» [6, 9].

В описях скитского имущества можно найти, например, такой показательный пример нестяжательной жизни монахов. Когда умер строитель скита старец Корнилий Затворников, новый строитель составил опись его «собинного» (собственного) имущества, которое отошло в общий монастырский амбар. В келлии оказалось «запасу хлебного на рубль два алтына на две деньги»: «четверик муки ржаной, пол осмины муки овсяной, по осмине солоду ячневому и овсяного, осмина ржи, овса полосмины, сухарей ржаных пол-осмины, полчерпка круп запарных, полчерпка толокна, соли полпуда», да «деревянная посуда подписана красками, стул кожаной» [32, ед. хр. 693, л. 23].

В отличие от монахов общежительных монастырей скитские иноки не имели послушаний, т. е. не работали на общих монастырских работах. Строили церкви, мостили мосты, мшили стены в келлиях, починивали печи в Нило-Сорском скиту наемные люди, которым платил строитель из скитской казны [21, 295 об.] (в лавре Саввы Освященного также работали наемные мирские люди для «послужения братии»). «В амбар жерновы поднимал дал наймитом денег 8» [32, ед. хр. 656, л. 5 об.], «дал сторожю Архипу денег 6 что делал мост через ручей к чудотворцу», — записывал скитский строитель в разделе «расход денгам». Если инок делал для скита какую-нибудь работу: выгребал щепы из построенной келлии, писал книгу в скитскую библиотеку, вел церковную службу как уставщик, — то ему за выполненное рукоделие тоже платил строитель скита: «уставщик старец Иоасаф отписал предание чудотворца Нила... строитель дал 6 алтын денег 5», «да пономарь отребал от церкви щепы дано ему денег 6» [32, ед. хр. 676, л. 8 об.], «дано пономарю старцу Власию да сторожу Ивану... от чистки к скиту по дороге лесом заломило 3 алтына 2 денги» [32, ед. хр. 682, л. 21 об.]. Монахи почти никогда не участвовали ни в каких строительных работах, не работали в поле: устав запрещал им частые выходы из келлии и долгое пребывание вне ее. Такой уклад жизни также отличал скит от киновии — ничто не должно было нарушать безмолвия и созерцания иноков.

Все заботы по благоустройству скита брал на себя строитель, он один заботился обо всех: следил за исправностью печей в келлиях, за ремонтом кел-

Нило-Сорская пустынь в 1931 г. Фото Милоновой. Публикуется впервые

лий, мостов, скитской мельницы — все строительские заботы перечислить трудно. «...У старцов в ските у Варсонофия и у Никиты у келей стены мшили и на потолках землю оправливали да в келье старца же Варсонофия две печи вновь клали» [47, 12]; «того же месяца в день 5 рядил Григория горшечника к мельничному делу, 21 сентября делал мост от житницы к церкви... 6 октября делали плотники конюшню» [20, 10]; «делали на мельнице у колеса втулку да ручки... зделан в трапезе в поддолку подсвечник... почини дал котел на заплату меди и на гвоздья денег 3» [20, 7]; «поставлена келия новая с сенцами», «к Вогнемской волости намощено мосту... в ряд на версту» [20, 9 об., 17]; «печи починивал у строителя и у братьи... бревна обирали в костры да и мосты починили тут же... дров сажень у сушила поставлена да ключь прибран к мелничному онбару» [20, 5] — это характерные и постоянные заботы строителя.

Редко кто нес строительское послушание три-четыре года — слишком, видимо, оно было хлопотным.

Жизнь в Нило-Сорском скиту была нелегкой. Келлии стояли практически на болоте, и хотя их устраивали на высоком подклете, по скитскому обычаю, и с погребом, но они постоянно требовали ремонта из-за сырости. Между келлиями и от келлий к церкви обязательно прокладывались

мостки, которые регулярно чинили. Дороги в близлежащие деревни и в Кириллов монастырь проходили по болотистому лесу, их тоже постоянно чистили от бурелома и мостили мосты на несколько верст, чтобы можно было не только проехать, но и пройти [32, ед. хр. 682, л. 21 об.].

Кроме всяких ремонтных работ, строитель скита еще заботился о пропитании братии скита. Он часто ездил в Белозерск, Вологду, чтобы получить государево жалование, подавал челобитные архиепископу, патриарху, в государевы приказы в Москве о скитских делах. Такие поездки оказывались весьма хлопотными, так как без калачей, резных ложек и расписных братин царское жалование воеводы и подьячие люди не выдавали. Однажды строитель Маркел даже купил в Вологде пять лимонов, чтобы Белозерский воевода Степан Никифорович Чепчагов велел выдать деньги и отписать нужную грамоту не мешкая [47, 21 об.]. А в 1612 г. он же, строитель Маркел, поехал в Ярославль к князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому за милостыней для скита. В это время в Белозерье хозяйничали отряды польских «воровских людей», сам Кириллов монастырь находился в осаде — получить государево жалование строителю было нелегко. Путешествие оказалось очень трудным. По дороге на старца Маркела напали казаки пана Прозоровского: «И отъехав от рыбни (название места. — Е. Р.) три версты против Спаса привернули к лотке пьяные казаки и выхватили из носа

горшки... да качергу болшую подковану остро... да мешечник кожаной» [20, 29—29 об.]. В Ярославле после многих препон старцу Маркелу удалось все-таки пройти к князю. Он подарил княжескому слуге Семену Ермолину образ Казанской Божией Матери, после чего тот и «поставил» строителя перед князем. Князь Пожарский оказал большую честь старцу Маркелу, старец благословил всю семью князя: княгиню Марию, детей — князей Петра, Федора и двух княжон, подарив всем по речпчатой ложке. Получив милостыню на скит, строитель благополучно вернулся в пустынь. Но через некоторое время ему вновь пришлось ехать, теперь уже в белозерское село Чужбу за хлебом. По дороге на старца «напали паны и отняли рубль скитской» [20, 21].

Описание путешествия старца Маркела сохранилось в одной из приходно-расходных книг Нило-Сорского скита. За такими бесхитростными хозяйственными записями стоит тем не менее полная тревог и трудов жизнь строителя.

Немного известно об иноках Нило-Сорской пустыни. Обычно их жило в скиту 6—12 человек. По именам-прозваниям монахов можно представить, откуда они пришли в Нилов скит, чем занимались, особенности их жизни.

В скиту спасались старцы: Ферапонт Верижник; Корнилий Затворников и Пустынников; Герасим Скудной, или Глупой, писатель многих книг Пимен и Варлаам иконники.

Священноиннок Варлаам написал для скита много икон и книг. Известен Служебник Варламова письма (ГПБ. Кир. Бел., 502 759. Запись на л. 29), он же писал денсус с праздниками, сень для алтарных дверей, образ святого Иоанна Предтечи в церковь Сретения [47, 29, 46].

В книгах строителя Нилова скита упоминается старец Феофан, написавший икону Никиты мученика [47, ед. хр. 681, л. 9]. Уцелевшие иконы Нилова скита (ныне находятся в собрании КБИАХМЗ) говорят о мастерстве иконников, суровом и аскетичном характере их письма.

В XVII в. в скиту жили монахи родом из Нижнего Новгорода, Муром, Москвы, Холмогор, Киева, Поморья, Вологды, Устюжны, приходили из Кирилло-Белозерского, Ферапонтова и Корнильево-Комельского монастырей, с Соловков.

Нилов скит имел, видимо, тесные связи с Соловецким монастырем. Через Нилову пустынь и Кириллов монастырь обычно пролегал путь паломников, шедших на Соловки. Старцы Соловецкого монастыря нередко жертвовали в скит книги, богослужебную утварь.

Нужно сказать, что Нилов скит был известен и почитаем на Руси в XVI—XVII вв. Все русские цари, от Иоанна Грозного до Петра Алексеевича, жаловали скит грамотами о руге. Монастырские

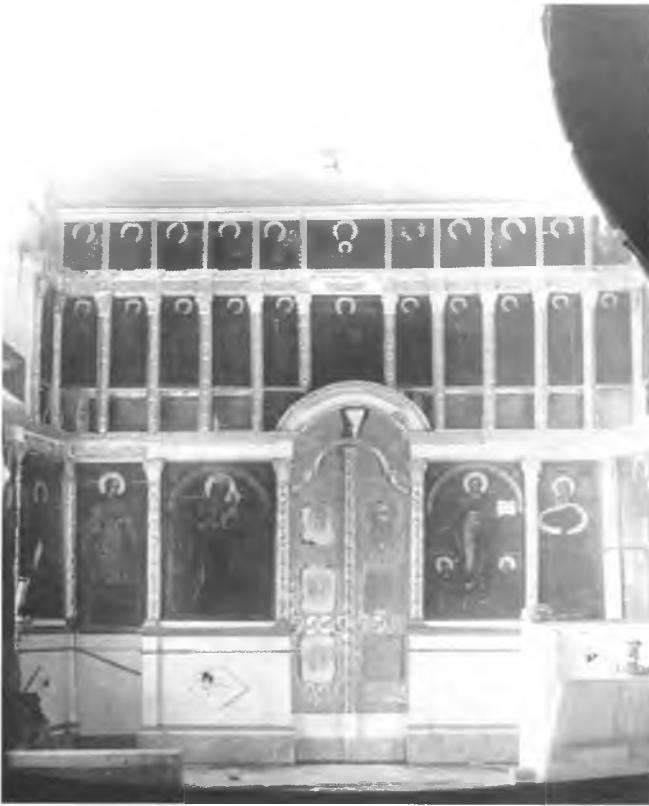
описи упоминают множество книг, богослужебной одежды, посуды, пожертвованной в монастырь.

Среди жертвователей скита — русские князья и бояре, патриархи, цари. Простые богомольцы оставляли деньги в кружке у раки преподобного Нила.

Все драгоценные книги, иконы, одежды из храмов Нило-Сорского скита были вкладными. Так, паникадило в церковь Сретения [47, ед. хр. 668, л. 4], ризы, стихарь, епитрахиль, поручи, пояс, покровицы в церковь Ефрема Сирина [47, л. 6] пожертвовал царь Михаил Федорович; ризы, полотенца, книгу псалмов Давидовых — патриарх Филарет [47, л. 6], сосуды церковные — черный дьякон Марк Павловец [47, ед. хр. 681, л. 16], образ Успения Богородицы на золоте — «вдова Варвара, Артемьевская жена Скворцова из Белозерска» [47, 23], книгу «Псалтирь печат московская обложена красной кожей» — князь Иван Алексеевич Воротынский [47, ед. хр. 686, л. 17 об.], «12 миней печатных в десть да книгу Исак Сирин да золотой» — Федор Никитич Одоевский [47, ед. хр. 670, л. 8], «Чесовник в поддесть» — царь Алексей Михайлович [47, ед. хр. 671, л. 11 об.], «новый покров на гробницу Нила Сорского, на нем крест вышит золотой» — Федор Панов; в 1687 г. в Нилову пустынь поступила первая «вкладная дача» серебром: «церковные сосуды потир дискос звезда два блюда копие все сребряное да крест сребряной благословенной в киоте... а весом серебра в церковных сосудах и в кресте опричь копия полтретья» [47, ед. хр. 690, л. 21 об.]; ярославский посадский человек Федор Федорович Неждановский пожертвовал на церковное строенье «50 рублей 29 алтын 4 деньги» [47, ед. хр. 675, л. 10 об.].

Имена всех жертвователей — знатных и незнатных — перечисляет скитский синодик: «Род князя Никиты Одоевского, род князя Петра Долгорукова, род княжны Максимиллы Шаховской, род князя Ивана Воротынского, род бояр Хитровых, Милославских, Шереметевых, Салтыковых, род Матвея Нарышкина, род стольника Петра Плещеева, род деревни Бутово Ивана Орды, род деревни Великий Двор Федора Торовина; «род авицера Ивана Собакина», род вологодского подьячего Алеккия Калининкова; род с Москвы подьячего Федора Клокова; род старицы Федодоры Опраксины с Москвы; род из Вогнемы священника Луки Александрова и других» [42, 11—52].

Важно то, что монастырский синодик упоминает людей совершенно разных сословий, монахов, мирян из разных городов и областей (из Вологодского уезда, Устюга, Каргополя, Новгорода, Пскова, Ярославля, Москвы, Белозерья), что говорит о широком почитании Нила Сорского и его скита на Руси в XVII—XVIII столетиях.

Иконостас в церкви Иоанна Предтечи. Фото Милоновой, публикуется впервые

В 1656—1659 гг. на вклады богомольцев в Нило-Сорской пустыни была построена церковь над гробом Нила Сорского.

Завещание Нила Сорского так и не было исполнено: его погребли не в «бесчестном месте», а у стены церкви Сретения; описи XVII в. называют часовню, поставленную над гробом Нила Сорского, приделом церкви Сретения [32, ед. хр. 669, л. 5]. В часовне стоял крест с распятием, рака преподобного Нила была покрыта простым черным покровом, над ракой помещались иконы: деисус и праздники Владычни, образ Богородицы [32, ед. хр. 670, л. 4].

В 1656 г. вместо часовни, которую перенесли на новое место — к колодцу Нила Сорского, начали строить церковь во имя святого Иоанна Предтечи. История строительства этого храма позволяет решить, на мой взгляд, довольно сложный и, безусловно, важный вопрос о времени канонизации Нила Сорского.

Противопоставляя Нила Сорского и Иосифа Волоцкого, Г. П. Федотов сравнивал «историю посмертного почитания основателей обоих направлений». Если преподобный Иосиф был канонизирован в конце XVI в. три раза — к местному и общему почитанию, то «Нил Сорский вообще не был канонизирован в Москве», заметил исследова-

тель [30, 188]. Мы вообще не знаем, когда именно произошла канонизация — в конце XVIII или в XIX в., ее санкционировал Синод в «Верном месяцеслове» 1903 г.

Современный указатель по канонизации русских святых датирует местную канонизацию Нила Сорского синодальным периодом (1721—1917 гг.) [48, 32].

В исторических исследованиях возникла теория о том, что Нил Сорский и его скит были забыты (Г. П. Федотов писал даже о разгроме заволжских скитов) [30, 196], а о «начальнике скитского жития» вспомнили только в XIX в. «в связи с расцветом старчества» [49]. Поэтому вопрос о канонизации Нила Сорского и о почитании его скита нуждается во внимательном рассмотрении.

Нил Сорский очень скоро после своего преставления стал почитаться в скиту и в других русских монастырях как «начальник скитского жития», преподобный. В самых ранних из известных приходно-расходных книгах Нило-Сорского скита за 1611—1612 гг. можно встретить такого рода заметки: «июля в день 6... Федор положил на преподобного гроб алтын»; «августа в день 10 странники шли Соловков положили на гроб денгу»; «того же месяца в день 25 белозерец Иван губные избы сторож положил на гроб воску 12 золотников да лодана 12 ж золотников» [20, 2—3].

Эти записи тем более любопытны, что в начале XVII в., а именно в 1612 г. (о чем говорит правило всенощного бдения Нило-Сорского скита — см.: ГПБ. Соф. 1519 за 1612 г.) по Нилу Сорскому еще служили панихиды, т. е. его официальной канонизации как преподобного еще не было. День памяти преподобного Нила Сорского совпадает с празднованием «Воспоминания явления не небе Креста Господня в Иерусалиме». В этот день в Нило-Сорской пустыни совершалась вечерня Кресту с праздничной службой. После вечерни служили панихиду «по начальнике старце Ниле». Затем, после заутрени и обедни, вновь служили панихиду малую на гробе. Панихиды совершались также в дни, особо установленные для поминания умерших: Димитровскую субботу, в субботу мясопустную и другие дни.

Видимо, некоторое время почитание Нила Сорского как святого и панихидные службы по нему сосуществовали. Часто официальная канонизация только формально закрепляла уже установившееся почитание святого.

Очевидно, так и произошло с канонизацией преподобного Нила Сорского.

Строительство храма над гробом Нила Сорского было начато, видимо, по инициативе боярина Бориса Ивановича Морозова и оказалось связано с драматическими событиями в жизни самого боярина и русского государства.

Иоанно-Предтеченский скит в 1931 г.

Фото Милоновой. Публикуется впервые

В 1648 г. в Москве вспыхнул «медный бунт»: «междоусобное смятение и неукротимое в людех колебание». Разъяренная толпа пришла к крыльцу царского дворца, требуя выдачи Морозова, ведавшего финансовыми делами государства; «и говорили на него многия крамольныя и неистовныя речи, не хотя его жива видети, но похитити и растерзати, рыкающе аки зверие дивии, или волцы сыроядцы: а уже дом его разбиша и имение разграбиша и расхитиша» [50, 127]. О «медном бунте» в Москве и дальнейшей судьбе боярина Морозова, казалось бы неожиданно, рассказывает «Слово на обретение мощей преподобного Кирилла Новоезерского» (XVII в.).

Морозов бежал из Москвы и укрылся в далеком Кирилло-Белозерском монастыре. Здесь он находился в сильном отчаянии, боясь лишиться не только своего высокого положения при царском дворе, но и самой жизни. Он много молился, ездил на богомолье по окрестным монастырям.

Приехав в Кирилло-Новоезерский монастырь (находится недалеко от города Белозерска, на Красном острове Нового озера; основан в XVI в. преподобным Кириллом Новоезерским), боярин Морозов дал обет построить храм над гробом Кирилла Новоезерского. Обет свой он исполнил. Вернувшись через некоторое время благополучно в Москву, боярин рассказал царю о чудесах бело-

зерских святых и повелел строить каменный собор в Новоезерском монастыре. В 1649 г. во время копания рвов для собора были обретенны мощи преподобного Кирилла, о чем братия монастырская сообщила Морозову, а тот доложил царю. По царскому указу и благословению патриарха Иосифа и всего священного собора архиепископу Вологодскому Маркелу было велено взять мощи святого Кирилла Новоезерского от земли. В 1652 г. достроили и освятили каменный собор, куда и перенесли обретенные мощи.

Этот рассказ «Слова на обретение мощей преподобного Кирилла Новоезерского» [50, 127] заслуживает пристального внимания в связи с событиями того же времени в Нило-Сорской пустыни.

Видимо, Морозов побывал и в скиту Нила Сорского и здесь дал такой же обет. Сам боярин и царь Алексей Михайлович пожертвовали на строительство храма Иоанна Предтечи по 10 рублей [42, 13]. Имя боярина Морозова в числе первых вписано в синодик Нило-Сорской пустыни для вечного поминания [32, ед. хр. 676, л. 11].

Строительство церкви над гробом Нила Сорского свидетельствует о прославлении святого в это время. Церковь была построена целиком на вклады богомольцев: ярославец, посадский человек Федор Федорович Неждановский дал 20 рублей 29 алтын, 4 деньги, Кондратий Лукин с товарищами — 30 рублей [32, ед. хр. 675, л. 10 об.]. На эти деньги купили бревна, тес, гвозди, плахи, белое железо на опайку ко крестам. Сторож скитский Иван делал доски на иконы, шил напрестольные одесжды [32, ед. хр. 676, л. 11]. Деньги царя и боярина Морозова истратили на иконостас и освящение храма. Ризы в церковь Иоанна Предтечи пожертвовали Государь Алексей Михайлович и боярин Федор Иванович Шереметев [32, ед. хр. 679, л. 9]. Царские двери в иконостас и запрестольный образ Богородицы «Одигитрия» дал для церкви старец скита Дионисий Грездов [32, ед. хр. 679, л. 7 об.]. Церковь торжественно освящал архимандрит Кирилло-Белозерского монастыря накануне праздника Третьего обретения честной главы Иоанна Предтечи, которому и посвящен храм.

В 1669 г., через 10 лет после освящения церкви, в ней над гробом Нила Сорского была устроена деревянная резная золоченая рака, на которой по сторонам в четырех кругах вырезали тропарь, кондак, икос преподобному Нилу и летопись, в каком году преставился преподобный [32, ед. хр. 681, л. 18 об.], что подтверждает канонизацию Нила Сорского. При канонизации благословляющая власть обязательно рассматривала представленные монастырем житие и службу (тропарь, кондак и пр.) святому [48, 22]. Две повести: «О житии преподобного Нила», «О преставлении и погребении преподобного Нила» —

и три «Чуда»: «О явлении во сне царю Иоанну Васильевичу», «О образе его како нача писатися», «О избавлении отрока от нечистого духа» — очевидно, и были подготовлены к канонизации. В отличие от других рассказов, свободно и безыскусно повествующих о чудесах Нила Сорского, которые мы находим в рукописях Нило-Сорской пустыни, они имеют характер литературно обработанного языка и стиля.

«Чудо о образе, како нача писатися» повествует о том, как в Ниловом скиту появилась первая икона Нила Сорского.

Одному русскому человеку из Москвы, тяжело страдавшему в турецком плену, явился во сне старец, назвавшийся Нилом Сорским. Он утешал пленника, обещал ему свою помощь. Но человек не знал такого святого. Тогда преподобный объяснил, где находится его скит, а в изголовье положил свиток со своим изображением и повелел написать с него икону. На следующую ночь пленник бежал. Чудесно избежав смерти, он добрался до Москвы и здесь заказал икону со свитка, которую затем со всякими дарами отправил в Нило-Сорский скит [17, 16 об. — 22 об.].

Первая икона с изображением Нила-Сорского появилась в монастыре в 1686 г., при строителе Дионисии Москвитине (опись монастырского имущества за этот год называет икону в разделе «вновь вкладные дачи» [32, ед. хр. 691, л. 31]. Икону положили на раку Нила Сорского. Интересно, что иконография первой иконы не совпала с общепринятой с XVIII в. иконографией Нила Сорского (преподобного «аки Кирилл Белозерский»). На древней иконе, судя по описанию А. Н. Муравьева, Нил Сорский походил на образ Ефрема Сирина (в одеждах схимнических, со свитком в руках) «в благолепном покое созерцания, начатого им еще на земле» [1, 295].

Откуда была привезена икона — неизвестно, вероятнее всего, действительно из Москвы и, очевидно, при содействии строителя пустыни — Дионисия, прозвание которого говорит о том, что он был родом из Москвы либо приехал в скит из какого-то московского монастыря.

Незадолго до написания иконы в 1682 г. при том же строителе был составлен канон преподобному Нилу Сорскому. В описи монастырских книг за 1682 г. впервые упоминается «канон в тетратех

Рака преподобного Нила Сорского в момент разборки, 1931 г. Фото Милоновой. Публикуется впервые

в полдесть чюдотворцу Нилу письменная письмо крупное три заставицы печатные переплетены в черной коже» [32, ед. хр. 689, л. 17].

Появление, почти одновременное, иконы и канона также подтверждает канонизацию преподобного Нила Сорского и позволяет ее датировать 60—80-ми годами XVII в., т. е. гораздо раньше общепринятой датировки.

Два с половиной столетия (XVI—первая половина XVIII в.) Нило-Сорская пустынь прожила по уставу скитского жития. Но в середине XVIII в. жизнь в скиту постепенно замирает, что в немалой степени было связано с общей государственной политикой по отношению к монастырям.

Еще в 1717 г. в Ниловом скиту стали строить новую теплую церковь Ефрема Сирина взамен сгоревшей [См.: 51], в 1721 г. Святейший Синод издал распоряжение о выдаче в Нило-Сорскую пустынь денег на церковные потребности и на жалование денег строителю Иосифу с братией [52].

Но уже опись 1761 г. имущества скита перечисляет «хоромное строение» почти нежилой обители: келлия строительская, пять келлий деревянных ветхих, из них четыре нежилые, ветхий амбар [53, 11]. Драгоценные богослужебные сосуды, иконы, книги и даже большой медный котел вывезли в Кирилло-Белозерский монастырь. Для присмотра в пустыни жил ризничий неродиакон из Кирилло-Белозерского монастыря, иногда в скит для совершения богослужения приезжал священник из Кириллова.

Секуляризационная реформа 1764 г. прямо скита не коснулась, так как земли и крестьян он не

имел. Но «государево жалованье» поступать перестало, Кирилло-Белозерский монастырь, разоренный реформой, уже не мог помогать своему приписному скиту (с 1641 по 1777 г. Нило-Сорский скит был приписан к Кириллову монастырю) [См.: 54, 12].

В XVIII в. изменилось само отношение к скитам, в том числе и к Нило-Сорской пустыни. Они становятся, как правило, местом ссылки, куда на исправление посылают монахов за «неблагочинное и нетрезвенное поведение» [55; 56].

В 1798–1805 гг. монашескую жизнь в Нило-Сорском скиту пытался восстановить игумен Кирилло-Новоезерского монастыря Феофан, но безуспешно — скит находился за 70 верст от Новоезерского монастыря [54, 12].

В 30-х годах XIX в. начинается новая история Нило-Сорской пустыни, но уже как общежительного монастыря.

«Богодарованным жребием» стала Нило-Сорская пустынь для иеромонаха Никона (в миру Николай Прихудайлов), который пришел сюда в 1837 г. из Троицкого Кривоезерского монастыря (Костромская епархия). Будучи еще монахом Троицкого монастыря, он стремился найти обитель уединенную и пустынную. Три раза иеромонах Никон писал записки с названиями трех пустыней и помещал их за икону Божией Матери «Иерусалимская». Жребий трижды указал ему на Нило-Сорскую пустынь.

Плачевным оказалось состояние Ниловой обители, когда ее увидел Никон: ветхие деревянные постройки на болоте. Братии было восемь человек, сосланных сюда из других монастырей за «нетрезвенную» жизнь. Но необыкновенную духовную радость испытал иеромонах Никон при знакомстве с ней: «Убогия ея храмы, священная гробница ея основателя — преподобного Нила — духовно пленили собою боголюбивую душу отца Никона» [57, 422]. За четыре года строительской деятельности иеромонаха Никона Нилов скит изменился неузнаваемо. Прежде всего в монастыре был введен общежительный устав: общая молитва, богослужение каждый день, общая трапеза, строгое послушание. Видимо, в той трудной ситуации это оказалось единственным средством для восстановления и стен, и нравственности монастыря. Иеромонах Никон имел духовные дарования — дар прозорливости, духовного рассуждения и утешения. Это привлекало к нему людей. Во время своих поездок в Петербург за сбором средств на пустынь он, «совершенный мужик во всем», как отзывалась о нем фрейлина императрицы Т. Б. Потемкина, стал известен даже в великосветских кругах. С тех пор многие стали приезжать в далекий Нилов скит из Петербурга и

Москвы до самой смерти иеромонаха Никона в 1870 г. Чинная служба скита тоже привлекала богомольцев даже из отдаленных мест. На богатые пожертвования иеромонах Никон начал отстраивать монастырь заново — теперь уже по плану общежительного монастыря. В форме правильного прямоугольника возвели каменные стены, внутри стен, а не за монастырской оградой, как было раньше, устроили монашеские кельи, общую трапезную, кухню. Приступили к строительству каменного собора. Для этого срыли, а местами разровняли холм, насыпанный преподобным Нилом, древние церкви Сретения и Иоанна Предтечи разобрали (церковь Ефрема Сирина разобрали еще в 1804 г. из-за ветхости). Сама планировка Нило-Сорской пустыни стала напоминать Флорищеву пустынь (находилась во Владимирской губернии), где иеромонах Никон начинал свою монашескую жизнь. Новый каменный храм он хотел посвятить Успению Богоматери, как во Флорищевой пустыни. Но в самом начале строительных работ — в 1841 г. — случилось непредвиденное: иеромонах Никон оказался под следствием, а строительство было приостановлено. Иеромонах Израиль, который приехал в 1840 г. в Нило-Сорскую пустынь на жительство из Петербурга и сумел за год стать близким и доверенным человеком иеромонаха Никона, написал на него донос в Новгородскую духовную консисторию. Он обвинял иеромонаха Никона в растратах монастырских денег, а самое главное — в неблагоговейном отношении к святыне и укрывательстве святых мощей. В доносе говорилось, что во время разборки церкви Иоанна Предтечи иеромонах Никон ночью, тайно раскопал святые мощи преподобного Нила Сорского и спрятал их в своей кельи, где показывал их иеромонаху Израилю [См.: 45, 3]. В объяснительной записке следственной комиссии иеромонах Никон писал, что действительно во время копания рвов под фундамент неподалеку от раки преподобного один из рабочих нашел нетленные косточки, источавшие благоухание, и принес их настоятелю. Иеромонах Никон хранил их в своей кельи, чтобы потом, после завершения строительных работ, захоронить их на прежнем месте [См.: 45, 24–25]. Следственная комиссия пыталась обстоятельно изучить «дело о мощах». Она установила, что действительно место погребения Нила Сорского не тронута, что ночью иеромонах Никон никаких раскопок не производил и святых мощей никому не раздавал. Иеромонах Израиль, недовольный ходом следствия, писал доносы в обход консистории Святейшему Синоду и императору Николаю Павловичу. Видимо, во избежание неприятностей консистория спешно закрыла «дело»: найденные косточки было велено тайно после панихиды погребсти неподалеку от раки преподобного, где они

и находились раньше. Иеромонаха Никона перевели в Иверский Валдайский монастырь, запретив ему на год ношение монашеской одежды и священнослужение; в братстве Иверского монастыря он должен был оставаться навсегда. Такую епитимью иеромонах Никон получил, по словам консистории, за «безрассудную ревность» и «безотчетную привычку во всем находить святыню», а также за то, что вовремя не сообщил консистории о найденном.

По указу консистории, иеромонах Израиль за беспокойную гордость и сварливость, несвойственную монашескому сану, за низкие средства и бездоказательные изветы на архимандрита Кирилло-Белозерского монастыря и митрополита новгородского Серафима был сослан в Устюженский Моденский монастырь в труды под строгий надзор настоятеля «для смирения и научения покорности» [45, 78–78 об.].

Все случившееся явилось сильным потрясением для иеромонаха Никона. Его объяснительная записка, написанная простым языком, наполнена растерянностью и скорбью. Как сам он уже через несколько лет оценил духовный смысл «дела о мощах», нам неизвестно: нигде и никогда он не говорил об этом. В братстве Иверского монастыря иеромонах Никон пробыл около десяти лет, скорбя о разлуке с Нило-Сорской пустыней. Здесь его случайно встретила, проезжая через Валдайский монастырь, Т. Б. Потемкина. Рассказ измученного старца ее поразил. Вернувшись в Петербург, Потемкина просила императора Николая I и императрицу Александру Федоровну вернуть иеромонаха Никона в Нило-Сорскую пустынь. По повелению Государя, указу Синода и Новгородской консистории иеромонаха Никона перевели в братство пустыни под бдительный надзор настоятеля.

Вернувшись в пустынь, иеромонах Никон устроил неподалеку от самого монастыря (двести метров на юго-запад) скит, где можно было жить в уединении и безмолвии. Келлию свою он поставил около колодца, ископанного преподобным Нилом Сорским, здесь же был пруд преподобного и когда-то стояла его келлия. В новый скит перенесли церковь Иоанна Предтечи, сложенную из остатков древних храмов Сретения и Иоанна Предтечи. Новопостроенную церковь и скит освятили 15 ноября 1852 г., а 16 ноября иеромонах Никон был облечен в схиму и наречен по своему желанию Нилом — в честь преподобного. Здесь, на месте поселения преподобного Нила, он и остался жить. Незадолго до пострига в схиму, 8 ноября 1850 г., иеромонах Никон отправил на Афон написанную им икону Иерусалимской Божией Матери. В письме на Афон, где ему так и не удалось побывать, он писал: «О, как бы я желал со сладостию любви и веры облобызать и самую

персть святого Афона!.. Но уже не видно никакой возможности к достижению этого величайшего на земле для меня блага. Крайняя слабость и болезненность вовсе отнимают эту надежду» [57, ч. 2, с. 18]. Иерусалимская икона, написанная иеромонахом Никоном, до сих пор находится в Покровском храме Пантелеимонова монастыря на Афоне, над святыми воротами; во время молебнов ее торжественно опускают к молящимся.

После отправки иконы, как пишет сам неросхимонах Нил, сбылись все его желания: освятили скит, он постригся в схиму и поселился рядом с церковью Предтечи. Кроме того, по указу Синода, в декабре 1850 г. Нило-Сорская пустынь была восстановлена как самостоятельный общежительный монастырь. За вторую треть века сложился и ее совершенно новый архитектурный облик. В 1854 г. достроили каменный собор, начатый в 1841-м. Строительные работы, несмотря на достаточное количество средств, велись медленно и трудно. В 1852 г. они были приостановлены из-за трещин в двух передних столбах. Своды почти уже отстроенного собора рухнули как раз над ракой преподобного Нила, их пришлось переделывать заново. Собор действительно построили неудачно, и в 50-х годах нашего столетия, когда его перестраивали с совершенно иными целями — под жилье для дома инвалидов, в нем уже были сильные разрушения.

Собор состоял из двух церквей: теплой — во имя Сретения Господня с приделом святителя Николая Чудотворца и холодной — во имя иконы Тихвинской Божией Матери с южным приделом преподобного Нила Сорского и северным приделом апостолов Петра и Павла. Отныне изменилось посвящение Нило-Сорского монастыря — он стал называться Тихвинским.

С западной стороны к Тихвинскому собору примыкала колокольня и ризница. В 1863–1866 гг. на средства неросхимонаха Никона и добровольные пожертвования над святыми воротами монастыря построили каменную церковь Покрова Божией Матери. Фрески, которыми украсили храм, знаменит сам неросхимонах Нил. Благочинный монастырей Белозерского края архимандрит Иаков писал тогда в рапорте новгородскому митрополиту: «Пустынная обитель Нило-Сорская приведена в благолепный вид, все новые монастырские здания, ветхостей совершенно нет, самая дорога к пустыни превосходно исправлена. Нилова пустынь наконец может считаться в настоящее время обеспеченною» [45, 191 об.]. По-разному можно относиться к перестройкам и изменениям в Нило-Сорской пустыни в XIX в. Несомненно, что ее строителями двигало стремление к благолепию, так свойственное этому столетию, и, конечно, любовь к преподобному Нилу, желание прославить угодника Божия, «великоподвиги» которого «преобразовали дикость пусты-

Иконостас Тихвинской церкви в момент разборки, 1931 г. Фото Милоновой. Публикуется впервые

ни в духовно-таинственный рай» [58, 3]. В слове на освящение Тихвинского собора, произнесенном 27 сентября 1857 г., перосхимонах Нил с радостью и гордостью говорил, что храм сей построен «не богатством царей, но горстию немущих в дебрях почти непроходимых». Последние слова его речи были обращены к преподобному Нилу Сорскому: «Наконец благоговейно возвожу мои очи души и сердца к тебе, уже на небеси живущему, Старче праведный! Сладчайший и преподобнейший Отче и пастырю наш! Твое есть все: и мы твои — на твоей — да тако реку — пажити...» [58, 8 об. — 9]. В 1865 г. над гробом преподобного Нила устроили новую, серебряную раку (мастер Федор Верховцев) с пышной сенью, которую поддерживали скульптурные фигуры ангелов. Словно забылись и стали необязательными слова из завещания преподобного Нила, где он просит не сподоблять его чести, не строить каменных храмов в его пустыни и ничего не менять в скитском жителстве.

Многим богомольцам, приходившим в пустынь, посреди сияющего благолепия недоставало былого смиренного облика обителя, ее древних храмов, рукотворного холма преподобного Нила. Так, И. Ф. Тюменев, оставивший уникальные зарисовки и описания Нило-Сорской пустыни, записал в 1898 г. свои впечатления от посещения пус-

тыни: «И невольно становилось жаль, что над пустынным холмом, где покоится преподобный, уже не шумят листвою зеленая липы, что могильный холм его придавлен грузным зданием каменного собора и обнесен высокою каменною оградой, что иноческий скит его, основанный для уединенных отшельнических подвигов, обращен теперь в обыкновенный общежительный монастырь. Я далек от мысли упрекнуть хоть в чем-нибудь... возобновителей пустыни, но все-таки должен сознаться, что возобновлена она далеко не в том виде, в каком желал ее видеть преподобный» [59, 243].

В 60—70-х годах резко увеличились доходы пустыни. В 1864 г. началась расчистка и распашка отмежеванной земли. С этого года впервые за всю многовековую историю пустыни у нее появляется оброчная статья дохода — от сдачи в аренду рыбных ловель в Бородаевском и Спасском озерах, а также земли, подаренной мещанином Поповым. Неизменно высокими всегда оставались доходы от благотворителей и кружечные сборы. Постоянно рос капитал в кредитных учреждениях. Общий годовой доход пустыни из расчета: проценты с капитала, кружечный сбор и неокладная сумма — увеличился с 1691 рубля в 1852 г. до 12 131 рубля — в 1871-м. Ее хозяйственное положение в это время в рапортах благочинного архимандрита Иакова характеризовалось как цветущее.

Этот расцвет в немалой степени был связан со строительской деятельностью иеромонаха Амвросия. В 1868 г., через шесть лет после монашеского пострига, он был избран братией пустыни строителем — с условием, что в нравственном управлении будет руководствоваться, «когда нужно, советами старцев, опытных в монашеской жизни, общаго духовника иеромонаха Симеона и перосхимонаха Нила» [45, д. 1954, л. 1 об.]. Представляя нового строителя в Новгородскую консисторию, архимандрит Иаков отмечал такие его качества, как бескорыстие, благонамеренность, трезвое и кроткое поведение, особенно — редкое знание дела хозяйственного [45, д. 1954, л. 1 об.], что не замедлило сказаться на материальном благосостоянии пустыни. В 1877 г. иеромонах Амвросий получил сан игумена за ревностную и усердную службу.

Но особенная хозяйственная ревность отразилась на духовной стороне жизни монастыря. В рапорте 1872 г. архимандрита Иакова звучало только осторожное сомнение в нравственном благополучии пустыни [45, д. 2004, л. 40]. Через пять-шесть лет он уже считал, что ситуация сложилась угрожающая, и просил новгородского митрополита запретить пустынским монахам сборы милостыни по окрестным районам, так как видел в них унижение для пустыни, страсть к накопительству и разорение для населения. «Ежегодная командировка 12, а иногда 14 сборщиков пусты-

ских — всем соблазн» [45, д. 2004, л. 133]. В 1871 г. пустынь содержала 130 человек, из них только 50 человек братии и послушников (в XVI — XVII вв. в пустыни жили не более 14 иноков). По мнению благочинного, такое количество людей было чрезмерным: «Настоятель принимает к себе людей... без надобности и пользы в них обители, из одной мирской гордости, чтоб только потщеславиться, что у него монастырь более других» [45, д. 2004, л. 133]. Архимандрит Иаков напоминал пустыньскому строителю заветы нестяжания преподобного Нила Сорского [45, д. 2004, л. 133]. Наблюдая за развитием и состоянием монастырей своего благочиния, он сделал обобщающий вывод, что русские монастыри не возродятся духовно, пока в них не будут строго соблюдаться правила преподобного Кирилла Белозерского с дополнениями из устава преподобного Нила Сорского.

Архимандрит Иаков в отзыве о реформе общительных монастырей, данном им в консисторию, предлагал требовать от настоятелей, чтобы они подписывали обязательство о соблюдении предания Кирилла Белозерского в своих монастырях и устава Нила Сорского, который был издан и разослан по монастырям по распоряжению Святейшего Синода [45, д. 1965, л. 5 об.] Большую угрозу для Нило-Сорского монастыря, кроме стяжания, представляла нетрезвая жизнь братии. В 1878 г. Новгородская консистория была вынуждена заниматься делом о нравственном состоянии пустыни, характеризуя его «как значительной степени упадок» [60, д. 17, л. 166].

На всем протяжении своей многовековой истории пустынь знала высокие образцы подвижничества и большие искушения. Уже в 1513 г., через пять лет после преставления преподобного Нила, великий князь Василий Иоаннович велел своим приказчикам на Белоозере изгнать из Нилова скита «безчинных старцев». В 1679 г. патриарх Иоаким разбирал дело о бесчинном поведении пустыньского старца [51, д. 406, л. 1] Так что история XIX в. не исключение. Но, сообщая в консисторию о предосудительных поступках части монахов, архимандрит Иаков отмечал также и другую сторону жизни обители: «В сей пустыни находятся и старцы, ведущие строгую монашескую жизнь» [60, д. 17, л. 112 об.] Сам архимандрит особенно любил иеросхимонаха Нила. Он часто приезжал к нему для духовных бесед. Прямо с дороги, не заходя в монастырь, архимандрит Иаков шел в скит иеросхимонаха Нила.

Несмотря на все изменения монастырского устава, которые произошли в XIX в., Нило-Сорская пустынь сохранила свои древние традиции пустынножительства. В Иоанно-Предтеченском скиту, основанном иеросхимонахом Нилом при монастыре, в уединении и безмолвии жили схимники пустыни.

Всенощные в скиту продолжались до 12 часов по уставу афонских монастырей. Вход в скит женщинам строго воспрещался.

В 1860 г. в 50 метрах к югу от Предтеченского скита иеросхимонах Нил устроил еще более уединенный Успенский скит. На поляне, окруженной со всех сторон стеной глухого леса, стояла небольшая деревянная церковь Успения Божией Матери с приделом Всех святых, монашеская келлия и две часовни — Гроб Господень и Гефсимания. Здесь прошли последние десять лет жизни иеросхимонаха Нила. Успенский скит он любил необыкновенно за его особую природную тишину и покой. Здесь, у алтаря Успенской церкви, он и был погребен 23 июля 1870 г. Литургию в этот день в церкви Успения совершал архимандрит Иаков. У креста из белого мрамора на могиле старца впопелестви всегда горела неугасимая лампада и хранились его кадило, поручи и епитрахиль.

Точный образ Успенского скита сумел передать в своих записках И. Ф. Тюменев, побывавший в скиту уже после смерти иеросхимонаха Нила: «Тишина этого покинутого людского жилища производила на душу неотразимое впечатление. Со всех сторон за оградой сплошной стеною высились лес, притихший, точно задремавший... И куда бы ни обращался взгляд, везде он встречал только молчаливо-спокойную картину зеленого, глухого леса и высоко вверх голубое небо. Мысль невольно уносилась снова к первым насельникам этого леса, к святому основателю скитского жития и его ученикам и последователям» [61, 242].

Не сохранился до наших дней Успенский скит, остались только фундаменты церкви и часовен на лесной поляне. Сгорел в 1946 г. и Иоанно-Предтеченский скит.

Уцелело несколько икон из скитских церквей и келейные книги иеросхимонаха Нила. Книги творений святых отцов, принадлежавшие Нилу, испещрены пометками «зри», «зри, страшно зело». Особенно много пометок иеросхимонаха Нила в тексте «Увещаний» Антония Великого, в «Главах» Симеона Нового Богослова, Ефрема Сирина, Макария Великого. Пометка «зри» стоит и на таких словах Антония Великого: «Хотящему бо спастися ни единого нет препятствия, разве точию нерадение и уныние души» [62, 5].

На некоторых книгах иеросхимонаха Нила сохранилась его подпись: «Наследователь сея богодухновенныя книги... многогрешный и сугубо-многонемоощной недостойный — увы! — звания человеческого!.. а не токмо христианского — паче же иноческого и иерейского! — Никон многобедный... молю помянуть мое окаянство в молитвах своих» [62, 5].

Как вспоминали многие иноки Нило-Сорской пустыни, иеросхимонах Нил оказывал большое

влияние на исправление жизни братии монастыря и пользовался уважением всех: «Всякие споры, всякую вражду и неудовольствия среди братии умел он всегда вовремя искоренить, не дать им разгореться до душегубительного пожара» [57, ч. 2, с. 134].

Многие известные подвижники Нило-Сорского монастыря начинали свою монастырскую жизнь под духовным руководством неросхимонаха Нила. Среди них — неросхимонах Иоанн (в миру Иоанн Судьбицкий). Он пришел в Нило-Сорский монастырь в 1849 г. в возрасте 19 лет. Вскоре в братство монастыря поступили три его родных брата: Глеб (в монашестве схингумен Нил), Монсей (неродиакон Макарий) и Петр — вместе со своим отцом Никитой (в монашестве Николай). Эта большая крестьянская семья пришла в монастырь, когда он только начал восстанавливаться после долгого запустения. Фактически монастырь восстанавливали благочестивые крестьяне окружающих деревень. Семья Судьбицких происходила из прихода Судьбицы Череповецкого уезда; незадолго до их ухода в монастырь еще пятеро крестьян того же прихода поступили на жительство в Нило-Сорскую пустынь.

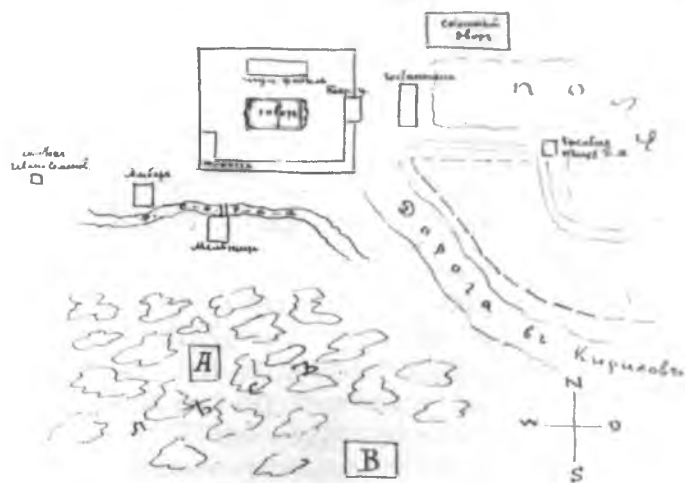
Будучи послушником, Иоанн Судьбицкий часто ходил за сбором пожертвований на строящиеся храмы пустыни. Его редкая приветливость и доброта привлекали людей, послушнику Иоанну всегда охотно подавали. Для него же частое общение с миром было тяжело и полно всяких испытаний. В 1865 г. Иоанна постригли в монашество с именем Иосифа. С благословения настоятеля он поселился в Иоанно-Предтеченском скиту, где и прожил 20 лет совершенно одиноким и даже без обычного келейника. Через четыре года после пострига монах Иосиф был посвящен в иеромонаха, а еще через три он стал духовником всей пустыни, приняв схиму с именем Иоанн. В Предтеченском скиту неросхимонах Иоанн насадил сад и огород, липовую рощу, возобновил вместе с монахом Илией старый пруд, ископанный, по преданию, самим преподобным Нилом Сор-

ским. А от скита до монастыря неросхимонах Иоанн посадил по обеим сторонам дороги березы. Эти деревья шумят до сих пор и образуют собой единственную улицу местечка Пустынь. После случая кражи святого антиминса с престола Предтеченской церкви неросхимонаху Иоанну не разрешили жить в скиту и он перешел в монастырь.

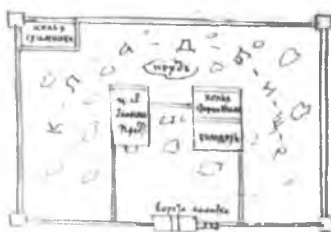
Последние годы жизни подвижника прошли в Успенском скиту. Подобно своему наставнику неросхимонаху Нилу, он прожил в скитах Нило-Сорской пустыни более 20 лет. Большим желанием неросхимонаха Иоанна было дожить до дня прославления преподобного Серафима Саровского, к которому он имел особенную любовь и веру. 14 сентября 1902 г., отслужив в скитской церкви литургию, неросхимонах Иоанн простился с бра-

Рисунок из альбома Н. Ф. Тюменева

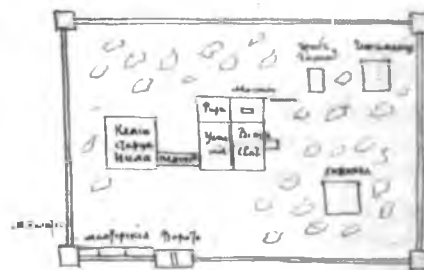
Схематический план пустыни
св. Нила Сорского
и ее двух скитов.

А. 1-й скит.

В. 2-й скит.

тием монастыря, затворился в своей скитской келлии и не выходил больше ни к кому до самой своей смерти. 19 июля 1903 г. он отслужил в келлии молебен только что прославленному преподобному Серафиму и преставился в ночь с 19 на 20 июля — того же числа, что и его духовник неросхимонах Нил. Прожил неросхимонах Иоанн в Нило-Сорском монастыре более 50 лет.

Удивительна судьба другого пустынского подвижника — иеромонаха Иоанна (в миру Николай Новинский). Он пришел в Нило-Сорскую пустынь уже немолодым, в возрасте 47 лет, имея к тому времени обширный послужной список. Иеромонах Иоанн закончил Казанскую духовную академию со степенью кандидата богословия, долгие годы преподавал в Симбирской духовной семинарии догматическое и нравственное богословие и гражданскую историю. За заслуги в педагогической деятельности он был награжден орденом Станислава III степени и получил чин статского советника со старшинством, пройдя путь чиновной иерархии от коллежского асессора.

В 1894 г. Николай Новинский был назначен инспектором семинарии, но через год принял священство. Вскоре он попросил уволить его от должности преподавателя семинарии и перешел в Новгородскую епархию, где в 1902 г. его определили в Нило-Сорскую пустынь, в которой 15 сентября он принял постриг с именем Иоанна.

Через несколько лет игумен Нило-Сорской пустыни Илларион записал в послужном списке иеромонаха Иоанна, что он «качеств отличных, достойных подражания, способен, усерден всегда» [60, д. 138, л. 9 — 10]. Благодетельный архимандрит Иаков в рапорте для консистории посчитал нужным сказать о нем особо: «Выдающийся строгою жизнью и духовным рассуждением иеромонах Иоанн, в мире бывший священником градской Симбирской церкви... и в конце избравший иноческое пустынное житие» [60, д. 17, л. 112 об.].

Постриженник Нило-Сорской пустыни иеромонах Иоанн в 1913 г. был назначен настоятелем Кирилло-Новоезерского монастыря (находится в 70 верстах от Нило-Сорской пустыни, на Красном острове Нового озера), им он оставался до самого закрытия монастыря в 1931 г.

Сохранились уникальные воспоминания о последних днях архимандрита Иоанна в «Записках уцелевшего» князя Сергея Голицына. В июле 1928 г. Сергей Голицын вместе со своим школьным другом путешествовал по северным озерам. Дорога привела их в Кирилло-Белозерский, а затем и в Кирилло-Новоезерский монастырь. В то время в монастыре оставалось только пять монахов, жили они дарами богомольцев, рыбалкой да огородом, сеять хлеб им не разрешали местные власти. Игумену Иоанну было тогда уже за 80 лет, он много

болел. С. Голицын попал в монастырь в тот день, когда увозили из него древние книги, иконы, святыни. Скорбны были лица монахов — храмы стояли запечатанные, антиминс им не отдавали, служить было нельзя. Архимандрит Иоанн, несмотря на скорби и болезни, оставался необыкновенно радужным, любящим. С. Голицын навсегда запомнил его благословение, напутственные слова старца он вспоминал в самые трудные минуты жизни.

Архимандрит Иоанн много рассказывал о себе, Голицын записал этот рассказ, точно совпадающий с краткими сведениями послужного списка архимандрита. «Он — симбирский, с детства любил в храмы ходить, еще мальчиком на клиросе пел, отец его чиновником в казначействе служил, отдал сына в гимназию. И вот ведь как Бог рассудил: в одном классе с Александром Ульяновым учиться довелось, первым учеником он считался. А отец его Илья Николаевич — какой набожный был, всеми уважаемый. У них и в доме бывать приходилось. Помнил он и другого сына Ильи Николаевича. Шустрый рос мальчонка. Вот уж не думалось, что он станет таким, таким... — старец замолчал, видно подбирая подходящие слова, но не нашел и смолк» [63, 334].

Об о. Иоанне до сих пор хранят память благодарные старожилы города Кириллова. Он часто приезжал в Кирилло-Белозерский монастырь и сумел многим помочь прозорливым советом и утешением.

О дальнейшей судьбе новоезерских старцев ничего не известно. В 1931 году монастырь был закрыт. Этот год стал последним и для Нило-Сорской пустыни. Настоятелем пустыни все трудные послереволюционные годы до самого закрытия монастыря оставался архимандрит Иларион. Он происходил из крестьян деревни Есиново Белозерского уезда, эта деревня жива до сих пор.

В миру настоятель Иларион звался Иван Павлинов, в Нило-Сорский монастырь пришел как богомолец 17 ноября 1884 г. В 1891 г. его определили послушником, а через три года он принял постриг. В 1904 г. иеромонах Иларион за «одобрительное поведение» был назначен настоятелем пустыни. В 1906 г. настоятель Иларион получил сан игумена, а впоследствии он единственный из настоятелей Нило-Сорской пустыни стал архимандритом. По воспоминаниям людей, знавших архимандрита Илариона, он с трудом читал и писал, перед службой выучивал Евангелие наизусть, чтобы правильно прочитать его на службе, но обладал редким даром духовного рассуждения. С 1902 по 1909 г. он был духовником Леушинского женского монастыря. Архиепископ Новгородский Арсений обращался к игумену Илариону за духовным советом и считал его своим духовником. По-деревенски просто, добродушно, иногда немножко

юродствуя, он общался с владыками и деревенскими мальчишками. Его вовремя сказанные и с большим внутренним смыслом прибаутки и поговорки могли разрешить вспыхнувший конфликт, ссору, могли утешить, дать духовный совет. Во время сбора ягод местными жителями игумен Иларион всегда велел братии звонить в колокола, чтобы люди не заблудились в страшных пустыньских боло-тах. Нило-Сорский монастырь во времена настоятеля Илариона славился добрым отношением к богомольцам, благотворительностью.

Благополучно было и нравственное состояние монастыря. В 1908 г. пустынь торжественно праздновала 400-летие со дня кончины преподобного Нила Сорского. 6 мая состоялось всенощное бдение, 8 мая после поздней литургии празднование завершилось крестным ходом в Успенский и Иоанно-Предтеченский скиты. Множество «читающей и религиозно настроенной публики» приняло участие «в сем священном торжестве и тем почтило преподобного Нила, Сорского чудотворца» [64, 45].

В июне 1912 г. Нило-Сорскую пустынь посетил архиепископ Новгородский и Старорусский Арсений. Приветствуя его от лица братии, неромонах Иоанн (Новинский) говорил: «О себе не похвалимся... Все мы сознаемся, что наша жизнь далеко теперь отстоит от жизни святого первооснователя нашей обители преподобного Нила и живших с ним... Но... наша обитель не чужда хотя некоторых задатков иноческих добродетелей, как-то: послушания, простоты, смирения, взаимной услужливости... По личному признанию богомольцев, они... получают здесь душевное успокоение и умиротворение. Здесь... хотя на время забывают они “суету мирскую”» [65, 280].

В XX в. Нило-Сорская пустынь разделила общую судьбу многих русских монастырей. Округлым спокойным почерком архимандрита Илариона подписаны последние документы Нило-Сорского монастыря. 19 мая 1918 г. комиссия по принятию на учет монастырей Кирилловского уезда осмотрела «ценности» Нило-Сорской пустыни [66, 5]. 16 января 1919 г. была произведена опись ризницы, храмов и всего движимого и недвижимого имущества монастыря [66, 13], а 25 апреля братия монастыря, жители деревень Вогнемской волости (Жохово, Бутово, Ершово) и Ферапонтовской волости (Кузьминки, Великий Двор, Бабичев) заключили соглашение с Вогнемским совдепом через его представителя Александра Лимонова, что приняли в бессрочное бесплатное пользование монастырские храмы на следующих условиях:

1. Беречь народное достояние и пользоваться им исключительно соответственно его назначению для удовлетворения религиозных потребностей.

2. Не допускать: а) политических собраний,

Архимандрит Иларион — последний настоятель Нило-Сорской пустыни. Фото из архива о. Сергия Телицына

проповедей, раздачи книг, враждебных Советской власти; б) совершения набатных тревог для созыва населения против Советской власти, но

3. Подчиняться всем распоряжениям местного Совдепа относительно пользования колокольнями;

4. Производить плату всех текущих расходов из своих средств;

5. Иметь у себя инвентарную книгу всего имущества, в которую вносить все вновь поступающее;

6. Допускать беспрепятственно во внебогослужебное время уполномоченных Совдепа.

Религиозное общество несло материальную ответственность за пропажу и порчу имущества. За прямое нарушение договора или за непринятие всех мер к его исполнению оно подвергалось уголовной ответственности по всей строгости революционных законов. Оговаривалось также, что соглашение могло быть расторгнуто Совдепом [66, 46–46 об.].

В сентябре 1919 г. Кирилловский исполком, рассмотрев устав Нило-Сорской религиозной общины, ее зарегистрировал.

Одновременно на страницах газет Кирилловского РИКа стали появляться материалы, «разоблачающие» монахов Нило-Сорской пустыни. 1 октября 1918 г. на сцене кирилловского Народного дома прошла пьеса «Черные вороны», в свое время запрещенная царской цензурой. Пьеса была сочинена еще в годы первой русской революции сотрудником одной из столичных газет В. В. Протоповым. В образе черных ворон, кружащих над темной и безграмотной Русью в поисках наживы, автор пьесы изобразил иноков русских монастырей. Теперь статьи революционных газет уточнили главную мысль пьесы. Кирилловские «Известия» опубликовали статью «Сорские пустынножители» за анонимной подписью «Богомолец». Статья призывала жителей города Кириллова обратить внимание на богатую молочную ферму Нило-Сорского монастыря, где монахи живут в праздности и сытости, а их «неотесанный игумен Иларион напоминает своей повадкой не то Фальстафа в рясе, не то деревенского мироеда» [67, 4]. «Богомолец» требовал предать игумена Илариона суду как мародера и спекулянта и применить силу по отношению к другим сорским «черным воронам».

Судьба Нило-Сорского монастыря была решена. В августе 1924 г. президиум Череповецкого губисполкома принял постановление о расторжении договора с Нило-Сорской общиной. В это время были закрыты все белозерские монастыри из-за «публичного чествования» в них «бывшего патриарха Тихона» [66, 747].

20 сентября 1924 г. президиум Кирилловского исполкома принял решение о передаче церквей и имущества Нило-Сорской пустыни под охрану милиции волостного исполнительного комитета. Вскоре в Нило-Сорской пустыни была размещена колония Кирилловского уездного исправительного дома. Уже 1 февраля 1926 г. на заседании Президиума Вогнемского исполкома его председатель Жарков поставил вопрос о похищениях церковных ценностей со стороны свободолюбивых.

Буквально сбывались пророческие слова преподобного Нила Сорского, запрещавшие ставить каменные храмы и собирать сокровища в его пустыни: «Проведет бо преподобный, что будет от воров грабление» — сказано в «Чуде о явлении преподобного Нила Сорского во сне царю Иоанну Васильевичу» («Чудо» известно по списку 1836 г.).

2 марта 1926 г. Кирилловский РИК возбудил ходатайство перед Череповецким губисполкомом о полной ликвидации Нило-Сорской пустыни с передачей ее имущества в Госфонд, Главмузей и религиозным общинам. 8 августа 1927 г. президи-

ум Череповецкого губисполкома с согласия Главнауки принял решение о закрытии Нило-Сорского монастыря и о передаче его населению уезда для культурных нужд [66, 33]. До 1930 г. в монастыре размещалась колония. В ведении Главнауки «как исторический памятник» был оставлен Иоанно-Предтеченский скит со всем имуществом.

С 1 октября 1927 года Череповецкий окрмузей сдал скит в арендное пользование без права богослужения бывшим нилосорским монахам. Договор был подписан на два года на следующих условиях:

1) арендаторы используют огород, мертвый инвентарь и жилое помещение (келлию скита);

2) выплачивают музею арендную плату 100 рублей в год и амортизационную сумму; взимается 1/8 % за каждый просроченный день;

3) текущий ремонт помещений и инвентаря производится за счет арендаторов, капитальный ремонт — в счет амортизационных сумм;

4) церковь и часовня не используются арендаторами, а только сданы им под охрану, арендаторы обязуются наблюдать за чистотой и порядком, предохранять от пыли и сырости, давать приют приезжающим экскурсантам;

5) все законы, как существующие, так и могущие быть изданы, обязательны для арендаторов;

6) к моменту оставления арендаторами здания и огорода здания должны быть в полной исправности, а огород — в окультивированном виде;

7) арендаторы обязаны нести все расходы по хозяйству, включая в том числе и государственные повинности и налоги, как существующие, так и те, которые будут введены;

8) музей оставляет за собой право расторжения договора до срока [68, 2—3].

Этот договор действовал до 1 октября 1930 г.

По воспоминаниям местных старожилов, в Иоанно-Предтеченском скиту монастыря в конце 20-х годов осталось только шесть человек монашествующих — архимандрит Иларион, схимонах Илия, иеромонах Серафим, монахи Дорофей, Арсений, Лазарь. Почти все были уже глубокие старики. Жили огородами, подаяниями, монах Лазарь разгружал баржи на пристани в Крохине (находится на реке Шексне, недалеко от Нило-Сорской пустыни).

После расторжения договора некоторые монахи переселились в близлежащую деревню Сорово, где служил последний Кирилловский епископ Тихон, около соровской церкви они и погребены.

Монах Лазарь пропал без вести в ссылке.

Архимандрит Иларион скитался по деревням, осенью 1937 г. он пошел умирать в свое родное Есипово, где попросил похоронить его тайно на картофельном поле, что и было исполнено. Четверть века, как и преподобный Нил Сорский, ар-

Нило-Сорская пустынь. Современный вид. Фото А. Петухова, 1988 г.

химандрит Иларион оставался настоятелем Нило-Сорской пустыни. В монастырь он пришел тоже, как преподобный, еще очень молодым — 23 лет. Устное завещание последнего настоятеля Нило-Сорского монастыря сродни завещанию его основателя — это просьба похоронить безвестно и без всякой чести. В 1936 г. архимандриту Илариону исполнилось 75 лет, столько же прожил и основатель пустыни преподобный Нил Сорский.

В 30-х годах XX в. история Ниловой монастыря словно замкнулась. Последние монахи доживали свой век на месте поселения преподобного Нила, рядом с его колодезем и прудом, возделывая огород там же, где когда-то трудился сам преподобный, добывая дневное пропитание «от трудов рук своих».

Неподалеку от монашеских келлий стояла церковь святого Иоанна Предтечи, сложенная из двух древних скитских церквей. В ней в это время находилась древняя рака преподобного Нила Сорского, созданная в XVII в. на вклады богомольцев. Предтеченский иконостас был составлен из самых древних икон Нило-Сорского монастыря.

Фотография, сделанная в 1931 г., успела запечатлеть Иоанно-Предтеченский скит, ставший пристанищем для последних нилосорских монахов. После окончательного закрытия монастыря в 1932 г. Предтеченский скит «как не имеющий никакой исторической ценности» был исключен из ведения музея. В 1937 г. оба скита Нило-Сорской пустыни (Предтеченский и Успенский) бы-

ли сняты с учета Главнауки. Тогда же разобрали на хозяйственные нужды Успенский скит, а Предтеченский сгорел 9 мая 1946 г. В самом Нило-Сорском монастыре с 1930 г. размещался дом инвалидов при Липовском сельском совете «Пустынь», с 1961 г. здесь находится пустынский психо-неврологический диспансер.

В настоящее время интерес к исторической судьбе, устройству, традициям скита не иссякает.

В конце XV в., создавая свой скит, преподобный Нил Сорский сумел воплотить в его устройстве лучшие традиции скитничества и пустынножительства Египта, Палестины, Афона: нестяжательность, умное молитвенное делание, изучение Божественных Писаний, служение ближним духовным совестом и назиданием,

странноприимство. Эти основы монастырской жизни, заложенные преподобным, сохранялись на всем протяжении существования пустыни, несмотря на сложную духовную борьбу, которая сопровождала ее историю.

Нарушение заветов преподобного Нила сразу явственно сказывалось на внутренней жизни скита и становилось назидательным уроком. Лучшие же традиции Нило-Сорского скита непрестанно изучались русским иночеством. Не случайно в XVII в. тотемским дьяком Иваном Плешковым была написана «Повесть о Нило-Сорском ските», где подробно изложены основные правила жизни и устава скита. Большое количество списков «Предания» Нила Сорского и других его сочинений, которые ранее находились в библиотеках русских монастырей, не поддается строгому учету. «Келейное правило иноков Нило-Сорского скита» встречается в рукописях Оптиной пустыни, Рогожского (старобрядческого) собрания. Несомненно, что возникновение и существование небольшого скита, затерянного в пустынном месте, среди лесов и болот, оказало большое воздействие на историю русского монашества.

Мощи преподобного Нила Сорского до сих пор пребывают под спудом Тихвинского собора его обители.

Историк русской словесности, профессор Московского университета С. П. Шевырев называл Нило-Сорский скит «нашей великой древней святыней» [16, 15].

Литература

1. *Муравьев А. Н.* Русская Фиваида на Севере. СПб., 1894.
2. Жизнь пустынных отцов. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1898.
3. *Архангельский А. С.* Преподобный Нил Сорский. СПб., 1882 // ПДП. Т. 16.
4. *Прохоров Г. М.* Нил Сорский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2.
5. РИБ. СПб., 1875. Т. 2. № 25.
6. *Боровкова Майкова М. С.* Нила Сорского Предание и Устав. СПб., 1912 // ПДПИ. Т. 179.
7. ГПБ. Кир. Бел., 25/1102.
8. *Феодосий (Олтаржевский)*, перомонах. Палестинское монашество с IV до VI в. // Православный палестинский сборник. СПб., 1896. Т. XV, вып. 2.
9. Жизнь пустынных отцов. Творение пресвитера Руфина. Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1991.
10. *Казанский П. С.* История православного монашества на Востоке. М., 1856. Ч. 2.
11. *Порфирий (Успенский)*, епископ. История Афона. Ч. III. Отд. 2.
12. Историческое учение об отцах Церкви Филарета, архиепископа Черниговского и Нежинского. СПб., 1882.
13. *Гладков Б. И.* Толкование Евангелия. СПб., 1907.
14. Толковая Библия. Издание преемников А. П. Лопухина. СПб., 1908. Т. 5.
15. РГАДА. Ф. 381. Оп. 1. Ед. хр. 1411. Служба преподобному Нилу Сорскому.
16. *Шевырев С. П.* Нило-Сорская пустынь // Отдельный оттиск из II части книги «Поездка в Кирилло Белозерский монастырь». (М., 1850.)
17. ГПБ. Кир. Бел., 61/1300.
18. Повесть о Нило-Сорском ските // Памятники культуры: Новые открытия. 1976. М., 1977. Ежегодник.
19. КБИАХМЗ. РК. 129.
20. ГИМ. ОПИ. Ф. 484. Оп. 1. Д. 74.
21. ГПБ. Кир. Бел., 23/1262.
22. *Лилиенфельд Ф. фон.* О литературном жанре некоторых сочинений Нила Сорского // ТОДРЛ. М.; Л., 1962. Т. 18.
23. Киновияльные правила преподобного Саввы Освященного, врученные им пред кончиною преемнику своему игумену Мелиту // Труды Киевской духовной академии. 1890. № 1.
24. ГПБ. Кир. Бел., 489/746.
25. ГИМ. Епарх., 349/509.
26. ГПБ. Соф. собр., 1519.
27. ГПБ. Соф. собр., 1469.
28. ГИМ. Щук. 212.
29. *Казанский П. С.* История православного русского монашества от основания Печерской обители преподобным Антонием до основания лавры Святой Троицы преподобным Сергием. М., 1885.
30. *Федотов Г. П.* Святые Древней Руси. М., 1990.
31. *Прохоров Г. М.* Послания Нила Сорского // ТОДРЛ. Л., 1974. Т. 29.
32. Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 115.
33. Жизнь святого Ефрема Сирина // Прибавления к изданию творений святых отцов в русском переводе. М., 1848. Ч. 7.
34. ГПБ. Кир. Бел., 344/601.
35. Творения святого отца нашего Ефрема Сирина. 5-е изд. Сергиев Посад, 1912. Ч. 2.
36. КБИАХМЗ. Дж. 212, надпись со свитка.
37. РГБ. Тр., 685.
38. Проповеди святого Ефрема Сирина // Труды Киевской духовной академии. Киев. 1895. Март.
39. Прибавления к изданию творений святых отцов. М. 1848. Ч. 7.
40. ГПБ. Соф., 1468.
41. Книга богоугодных трудов отца нашего Ефрема Сирина. М., 1851. Ч. 3.
42. КБИАХМЗ. РК. 127.
43. ААЭ. СПб. 1836. Т. 1. № 161.
44. Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археологической комиссией. СПб., 1846. Т. 1.
45. РГАДА. Ф. 1441. Оп. 2. Ед. хр. 493.
46. *Никольский Н. К.* Общинная и келейная жизнь в Кирилло-Белозерском монастыре в XV и XVI вв. и в начале XVII в. // Христианское чтение. 1907. Август. 47. ГПБ. СПб. ДА. АП. 46.
48. Канонизация святых // Поместный Собор Русской Православной Церкви, посвященный юбилею 1000-летия Крещения Руси. Троице-Сергиева лавра. 6–9 июня 1988 г.
49. Культура и общество Древней Руси (X–XVII вв.) // Зарубежная историография: Реферативный сборник. М., 1988. Ч. 2. С. 248.
50. ГПБ. Кир. Бел., 38/1277.
51. Архив СПб. ФИРИ РАН. Кол. 260. Оп. 1. Ед. хр. 827.
52. Описание документов и дел архива Святейшего Синода. СПб., 1868. Т. 1; 1542–1721 гг. Д. 691.
53. ГПБ. Кир. Бел., 105/1341.
54. *Иоанн (Калинин)*, инок. Описание Нило-Сорской мужской общежительной пустыни Новгородской епархии. М., 1913.
55. ЦГАДА. Ф. 1441. Оп. 3. Д. 78. О переводе в Нило-Сорскую пустынь монаха Моисея за кражу вещей у наместника и побег из монастыря. 1799 г.
56. ГАВО. Ф. 1147. Оп. 2. Д. 1444. О ссылке в Нило-Сорскую пустынь монаха за пьянство. 1797 г.
57. *Ковалевский Андрей.* Иеросхимонах Нил // Душеполезное чтение. М., 1884. Ч. 1.
58. КБИАХМЗ. РК. 24.
59. *Тюменев Н.* Поездка в Нило-Сорскую пустынь // Исторический вестник. СПб., 1898. № 10. Октябрь.
60. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф. 1. Оп. 1.
61. Исторический вестник. СПб., 1898. № 10. Октябрь.
62. КБИАХМЗ. СК. 493.
63. *Голицын Сергей.* Записки уцелевшего. М., 1990.
64. НЕВ. № 15. 1908.
65. НЕВ. № 9. 1912.
66. ГАВО. Ф. 798. Оп. 3. Д. 6.
67. КБИАХМЗ. ОПИ. Ф. 4. Известия Кирилловского УИК. № 52.
68. КБИАХМЗ. Делопронзводственный архив. Д. 11.